

ЗА ГРАНЬЮ ТИШИНЫ

18+

Кира Сантер

За гранью тишины

«Автор»

2026

Сантер К.

За гранью тишины / К. Сантер — «Автор», 2026

Продолжение психологического триллера «На грани света»: Девять месяцев Кира была мертва для этого мира. Так считают врачи. Так записано в документах. Так удобнее всем, кто не хочет, чтобы она вспомнила, что произошло на самом деле. И чем больше Кира пытается восстановить провалы в памяти, тем яснее понимает: вместе с сознанием ей вернули не всё. Университет оказывается лишь первым уровнем. Система вернулась за Кирой. Она знает её слабости, её страхи и даже то, кого Кира будет любить. Ведь системе нужно вернуть контроль над её разумом и завершить то, ради чего её жизнь была превращена в тщательно поставленный эксперимент. Иногда самый страшный секрет — это не то, что от тебя скрывали. А то, что твою судьбу придумали задолго до тебя. 18+. Мрачный психологический триллер о тайных экспериментах, опасной любви, предательстве и борьбе за право владеть собственной памятью. Здесь прошлое можно переписать, любовь — использовать как оружие, а доверие становится смертельно опасной ошибкой.

© Сантер К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Девять месяцев тишины	10
Глава 2. После пробуждения	19
Глава 3. Когда молчание даёт трещину	32
Глава 4. Белые стены не умеют молчать	39
Глава 5. Выхода нет	52
Глава 6. Девочка, которой не было	62
Глава 7. Цена выхода	71
Глава 8. Чужой отец	78
Глава 9. Последний выход	83
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Кира Сантер

За гранью тишины

Пролог

Голос вернулся раньше света.

Сначала Кира решила, что ей снится дождь.

Он стучал где-то далеко, ровно и настойчиво, как пальцы по стеклу. Потом к дождю примешался другой звук: короткий электронный сигнал, повторяющийся через равные промежутки. Пик. Пауза. Пик. Пауза.

Она попыталась открыть глаза.

Не получилось.

Тело не слушалось. Оно лежало тяжёлое, чужое, будто принадлежало кому-то другому. Кира хотела пошевелить пальцами, сделать вдох глубже, закричать, но могла только считать сигналы в темноте.

Один.

Два.

Три.

На четвёртом она услышала голос.

- Не торопись, Кира.

Шёпот прозвучал так близко, словно говоривший наклонился к самому её уху.

Кира замерла.

Она знала этот голос.

Не имя. Не лицо. Только ощущение, от которого по спине прошёл холод: белые стены, запах металла после грозы, тусклый голубой свет под потолком и закрытая дверь, за которой кто-то плакал слишком тихо, чтобы его слышали.

- Ты должна была спать дольше, - продолжил голос. - Но ты всегда выбирала неправильный момент, чтобы проснуться.

Кира попыталась открыть глаза снова.

На этот раз темнота треснула.

Свет ударил по векам резко, беспощадно. Белый потолок расплылся перед ней пятном. Тонкие трубы, гладкие панели, тени людей в медицинской форме. Воздух пах антисептиком и чем-то ещё - холодным, электрическим, почти стерильным.

Она сделала вдох.

Грудь обожгло болью.

- Кира? - произнёс женский голос, уже настоящий, испуганный. - Кира, если ты меня слышишь, не пытайся говорить. Ты в безопасности.

В безопасности.

Эти слова вызвали в ней странное, злое желание рассмеяться.

Кира повернула голову. Движение отозвалось тяжестью во всём теле. Рядом мигал монитор. Зелёная линия на экране медленно поднималась и опускалась, доказывая, что сердце всё ещё работает.

На стуле у окна сидела женщина в белом халате. Молодая, с усталым лицом и слишком внимательными глазами. Не врач. Или не только врач. За её спиной было окно. Ночь снаружи казалась густой и неподвижной. На стекле дрожали дорожки дождя, а далеко внизу горели редкие огни города.

Кира смотрела на них и вдруг поняла, что не знает, какой сейчас год.

Страх пришёл не сразу. Сначала это было пустое место внутри, бездна вместо мысли. Она попыталась вспомнить последнее, что видела.

Коридор.

Максим.

Его рука, сжимающая её ладонь.

Красный свет тревоги.

Чей-то крик.

Дверь, которую нельзя было открывать.

А потом - тишина.

- Как долго? - хрипло спросила Кира.

Женщина в халате замерла.

- Не напрягайтесь.

- Как... долго?

Её голос был чужим, слабым и сорванным.

Женщина опустила взгляд на планшет, словно искала там разрешение сказать правду.

- Девять месяцев.

Кира не сразу поняла смысл.

- Что?

- Вы были в коме девять месяцев. После событий в комплексе ваше состояние оставалось нестабильным. Мы не были уверены, что...

Она не договорила.

Девять месяцев.

Кира снова посмотрела в окно. Дождь шёл так, будто ничего не произошло. Будто за пределами этой палаты не рушились здания, не исчезали люди, не стирали чужие жизни одним нажатием кнопки.

- Максим? - спросила она.

Врач подняла глаза.

Слишком быстро.

Слишком осторожно.

Он жив. Кира закрыла глаза. Всего на секунду. Воздух наконец вошёл в лёгкие.

- Где он?

- Мы сообщили ему. Он едет.

Едет.

Не здесь.

Почему он не здесь?

Внутри неё медленно поднималось беспокойство, похожее на холодную воду. Она попыталась поднять руку и увидела тонкую трубку, закреплённую у запястья. Под прозрачной кожей синела вена. На пальце не было ничего. Ни датчика. Ни кольца. Ни следов того, что кто-то держал её за руку девять месяцев.

- Кто вы? - спросила Кира.

Женщина будто ожидала вопроса.

- Доктор Соколова. Я руководила вашим восстановлением.

- Кто оплатил лечение?

Тишина в палате стала плотнее.

- Это не имеет значения.

Кира посмотрела на неё так, что доктор Соколова отвела взгляд.

- Значит, имеет.

Монитор рядом с кроватью внезапно пискнул громче. На экране на миг дрогнула линия пульса. Врач тут же наклонилась к аппарату, но Кира смотрела не на неё.

Она смотрела в тёмное отражение окна.

За её плечом стоял силуэт.

Высокий. Неподвижный. В чёрном.

Кира резко повернула голову.

Никого.

Только дверь палаты, белая стена и тусклая лампа над входом.

- Вам нельзя волноваться, - быстро сказала доктор Соколова. - После комы возможны зрительные и слуховые нарушения. Это нормальная реакция мозга.

Кира медленно перевела взгляд обратно на окно.

В отражении силуэта уже не было.

Зато на стекле, ровно на уровне её лица, проступил тонкий след. Будто кто-то провёл пальцем по запотевшей поверхности снаружи.

Одна прямая вертикальная линия.

Сверху вниз.

Кира почувствовала, как пальцы на левой руке непроизвольно сжались. Так система отмечала объекты. Она не помнила, откуда это знает. Но знала.

- Вы были в комплексе? - спросила она.

Доктор Соколова побледнела.

- Кира...

- Вы слышите меня? Вы были там?

Дверь открылась прежде, чем женщина успела ответить.

В палату вошёл Андрей.

Он выглядел так, будто за эти девять месяцев успел прожить несколько чужих жизней. Осунувшееся лицо, тени под глазами, небритая щетина, куртка, пропахшая дождём и табаком. В его руках был телефон, который он сжал так сильно, что костяшки побелели.

Несколько секунд он просто смотрел на Киру.

Потом сделал шаг.

- Привет, - сказал он.

Одно обычное слово. Но голос дрогнул.

Кира хотела ответить. Вместо этого из горла вырвался сухой вдох.

Андрей подошёл ближе, взял её ладонь осторожно, словно боялся, что она исчезнет, если он нажмёт сильнее.

- Девять месяцев, - прошептала она.

Он кивнул.

- Девять.

- Что произошло?

Андрей посмотрел на доктора Соколову. Та быстро вышла, закрыв за собой дверь.

Кира проследила за ней взглядом.

- Она лжёт.

- Мы все сейчас лжём, - тихо ответил Андрей.

- Не говори так.

- Я не хотел, чтобы ты проснулась и сразу услышала всё.

- Тогда не нужно было ждать, пока я проснусь.

Он опустил голову. За окном мелькнула белая вспышка. Не молния. Слишком ровная. Слишком холодная.

- Комплекс уничтожен, - сказал Андрей. - Официально. Пожар, авария энергосистемы, обрушение. Большинство документов исчезло. Людей, которых мы не успели вывести, признали погибшими.

- Официально?

- Официально.

Кира почувствовала, как в ней рождается злость. Тихая и ясная.

- А неофициально?

Андрей замолчал.

Это было хуже любого ответа.

- Андрей.

Он достал телефон и положил его на край кровати. На экране была открыта фотография. Плохого качества, снятая ночью: мужчина выходил из чёрного автомобиля возле здания без вывески. Лицо было размытым, но Кира узнала его сразу.

- Алексей Воронцов.

Человек, чьё имя стояло в списке погибших.

Его похоронили три месяца назад, - сказал Андрей. - Пустой гроб. Закрытая церемония. Все документы безупречны.

Он провёл пальцем по экрану.

Следующая фотография.

Женщина в сером пальто. Кира не знала её имени, но помнила взгляд. Та женщина стояла за стеклом в комплексе и делала записи, когда кто-то кричал в соседней комнате.

Третья фотография.

Ещё один погибший.

Четвёртая.

Пятая.

- Они живы, - сказала Кира.

- Да.

- Где?

- Мы не знаем. Но все они появляются рядом с одним местом.

Андрей открыл карту. На ней не было адреса. Только серое пятно среди кварталов на окраине города.

- Университет? - спросила Кира.

Он нахмурился.

- Почему ты так сказала?

Она не ответила.

Слово возникло в её голове не как догадка. Как воспоминание. Университет. Высокие окна. Белые ступени. Голоса за закрытыми дверями. Девушка с выбритым виском, которая шепчет: «Не называй это место вслух. Оно слышит».

Кира резко вдохнула.

Перед глазами поплыл свет.

- Кира?

Она сжала пальцы Андрея.

- Они говорили, что там учат.

- Кто говорил?

- Не знаю.

- Чему учат?

Кира посмотрела на тёмное окно. И впервые заметила, что дождь снаружи закончился. Капли больше не двигались. Будто время за стеклом остановилось.

- Не учат, - прошептала она. - Они выбирают.

Телефон Андрея завибрировал.

Один раз.

Второй.

Третий.

Он посмотрел на экран и побледнел так заметно, что Кира вырвала телефон из его руки.

Сообщение пришло с неизвестного номера.

Без подписи. Без текста.

Только прикреплённая фотография.

На ней была она.

Кира лежала в этой самой палате, неподвижная, с закрытыми глазами. Снимок был сделан сверху, несколько минут назад. Угол, с которого невозможно было увидеть её ни из коридора, ни из окна.

Под фотографией появилась строка.

Субъект К-17. Пробуждение подтверждено.

Кира медленно подняла взгляд на монитор у кровати.

Зелёная линия сердцебиения дрогнула.

Потом экран на секунду погас.

В чёрном стекле отразилось её лицо. Бледное. Измождённое. Живое. А за её плечом стоял человек в чёрном.

На этот раз Кира не обернулась.

Она уже знала, что за спиной никого не будет.

- Они здесь, - сказала она.

Андрей взял телефон, быстро набрал чей-то номер и заговорил так тихо, что она не разобрала слов.

Кира смотрела в тёмный экран. Силуэт в отражении чуть наклонил голову. А затем женский голос, знакомый до боли, прозвучал прямо из динамика монитора:

- Добро пожаловать обратно, Кира.

Свет в палате погас.

И в полной темноте она услышала то, чего боялась больше всего.

Щелчок открывающегося замка.

Дверь в палату медленно начала открываться.

А на экране телефона вспыхнула последняя надпись:

Они уже начали действовать.

Глава 1. Девять месяцев тишины

Первым вернулся звук.

Не голос. Не музыка. Не шорох шагов.

Ровный, безжалостно точный писк, разрезающий темноту через одинаковые промежутки времени.

Пик.

Пауза.

Пик.

Пауза.

Кира не понимала, где находится. Она вообще не понимала, существует ли ещё тело, которое можно назвать её телом. Вокруг была вязкая чернота, плотная, почти тёплая. Она тянула вниз, обещая, что ничего не нужно решать, ничего не нужно вспоминать.

Но звук не отпускал.

Пик.

Пауза.

Пик.

Вместе с ним в голове зашевелилось что-то другое. Шум. Тысячи обрывков чужих разговоров, далёкие крики, стук дверей, сухой щелчок замка. Голоса накладывались один на другой, становились громче, спорили, повторяли её имя.

- Кира.

- Кира, не открывай глаза.

- Кира, ты должна вспомнить.

- Кира, оставайся здесь.

Она попыталась вдохнуть и почувствовала боль. Не острую, а глухую, разлитую по груди, будто лёгкие забыли, как работать. Паника пришла мгновенно. Она дёрнулась, пытаясь выбраться из темноты, и тогда один из голосов прорезал весь шум.

Настоящий.

Низкий. Хриплый от усталости.

— Кира?

Её имя прозвучало так, будто человек произнёс его после слишком долгого молчания.

Кира открыла глаза.

Свет ударил по ним белой вспышкой. Она зажмурилась, но за веками не стало темнее. В голове бился гул. Воздух пах лекарствами, пластиком и дождём, который, кажется, шёл где-то за окном.

— Тише. Не торопись, пожалуйста. Ты слышишь меня?

Она снова приоткрыла глаза.

Белый потолок. Серебристая рейка с холодным светом. Тонкая трубка, уходящая к её руке. Монитор справа, где зелёная линия подпрыгивала в такт сердцу.

А потом она увидела его.

Максим сидел на стуле у кровати, наклонившись вперёд так, словно спал, не решаясь даже откинуться на спинку. На нём была тёмная рубашка с закатанными рукавами, измятая так, будто он не менял её несколько дней. Волосы падали на лоб. На скулах проступила жёсткая тень щетины. Обычно собранное, почти непроницаемое лицо сейчас выглядело измождённым.

Но глаза у него были прежними.

Серо-голубыми. Острыми. И до невозможности живыми.

Максим замер, заметив её взгляд.

— Привет, — сказал он едва слышно.

Кира смотрела на него, пытаясь вспомнить.

Имя всплыло первым.

Максим.

За ним пришло ощущение: холодные пальцы, крепкая ладонь, чей-то голос в темноте, обещание, которое не успели закончить. Но лицо напротив оставалось почти чужим. Слишком знакомым, чтобы быть чужим, и слишком далёким, чтобы назвать его близким.

— Кто ты? — спросила она.

Слова вышли хрипыми, почти беззвучными.

Максим не вздрогнул.

Только его пальцы сильнее сжали край стула.

— Максим.

— Я знаю.

Он медленно выдохнул, и на секунду его губ коснулась усталая улыбка.

— Уже неплохо. Обычно люди начинают знакомство с вопроса, где они. Но ты всегда выбирала сложный путь.

Кира нахмурилась. Она хотела ответить резко, но в голове снова поднялся шум. В нём мелькнуло красное освещение. Длинный коридор. Чьи-то руки на её плечах. Металлическая дверь, за которой кто-то бился и кричал.

Она дёрнулась.

Монитор немедленно запищал чаще.

— Нет, нет, не надо, — Максим вскочил. — Смотри на меня. Просто на меня.

Он наклонился ближе, но не коснулся её.

— Ты в больнице. Ты в безопасности. Сейчас не нужно ничего вспоминать.

— Не ври, — выдохнула Кира.

Он замолчал.

Его взгляд стал тяжелее.

— Хорошо. Здесь настолько безопасно, насколько я могу это обеспечить.

— Это не ответ.

— Зато честный.

Кира смотрела на него, и её раздражало, что даже в этом состоянии она замечала детали: как дрогнула жилка у него на шее, как он сдерживал дыхание, как боялся приблизиться. Почему он боялся? Почему это причиняло ей странную боль?

— Что со мной случилось?

Максим отвернулся к окну.

За стеклом была ночь. На фоне редких городских огней дождь превращал мир в размытые полосы света.

— Ты пострадала при аварии, — сказал он.

— Какой аварии?

Он молчал слишком долго.

— Максим.

— В комплексе.

Слово ударило сильнее, чем должно было.

Комплекс.

Кира закрыла глаза. Внутри вспыхнули белые стены. Голубые лампы. Чёрная камера в углу потолка. Голос без лица:

Субъект не демонстрирует ожидаемой реакции.

Она резко вдохнула.

Максим тут же оказался рядом.

— Кира.

— Не трогай меня.

Он застыл.

Не обиделся. Не возразил. Просто отступил на полшага, будто её слова стали физической границей.

— Хорошо, — тихо сказал он. — Не буду.

И это почему-то оказалось хуже.

Кира повернула голову к нему. Его лицо оставалось спокойным, но пальцы сжались в кулак. Он выглядел как человек, который держится из последних сил.

— Ты сказал, что я в больнице.

— Да.

— Как долго я здесь?

Максим медленно сел обратно.

— Девять месяцев.

Писк монитора стал громче.

Кира моргнула.

— Что?

— Ты была без сознания девять месяцев.

Она ждала, что он усмехнётся. Скажет, что это глупая шутка. Но Максим никогда не выглядел менее способным шутить.

— Девять месяцев, — повторила она.

— Да.

— Ты сидел здесь девять месяцев?

Он чуть повёл плечом.

— Не всё время.

— Это звучит подозрительно.

— Иногда меня выгоняли врачи.

Несмотря на гул в голове, Кира тихо выдохнула, почти смеясь.

— Какая жестокость.

— Ты не представляешь. Один особенно суровый врач заявил, что я пугаю пациентов своим лицом.

— Возможно, он был прав.

Максим посмотрел на неё, и в его глазах впервые мелькнуло что-то тёплое.

— Вот. Это уже моя Кира.

Слова повисли между ними.

Моя.

Внутри что-то отозвалось. Не память. Скорее ощущение, что она уже слышала этот голос так близко, что он вибрировал у неё под кожей. Кира попыталась ухватиться за это чувство, но оно рассыпалось, оставив только тревогу.

— Не называй меня так, — сказала она.

Улыбка исчезла.

— Как?

— Словно ты имеешь на это право.

Максим побледнел почти незаметно. Затем кивнул.

— Справедливо.

Он поднялся.

— Я позову врача.

— Подожди.

Он остановился у двери, не оборачиваясь.

Кира сама не понимала, почему не хочет, чтобы он уходил. Комната сразу стала бы слишком большой. Белой. Пустой. А шум в голове уже подбирался ближе, нащёптывая слова, которых она не могла разобрать.

— Ты... — Она сглотнула. — Ты был со мной, когда это случилось?

Максим медленно повернулся.

— Да.

— Почему я ничего не помню?

— Потому что ты была очень тяжело ранена.

— Это не ответ.

— Я знаю.

— Тогда дай мне настоящий.

Он вернулся к кровати. Сел, но оставил между ними расстояние. Его голос стал ниже.

— В комплексе началась авария. Мы пытались выбраться. Ты осталась, чтобы помочь другим. Система... — Он запнулся, словно слово обожгло его. — Она запустила защитный протокол. Ты оказалась слишком близко к ядру. После взрыва я нашёл тебя без сознания.

— И всё?

— Нет. Не всё.

— Тогда почему ты говоришь так, будто хочешь, чтобы я перестала спрашивать?

Максим посмотрел ей прямо в глаза.

— Потому что ты только проснулась. Потому что я не хочу, чтобы ты снова сломалась из-за того, что они с тобой сделали.

— Они?

Его челюсть напряглась.

— Не сейчас.

— Не смей решать за меня.

— Я и не решаю.

— Решать за меня, когда мне помнить, удобно, да?

Он резко поднялся. В его взгляде мелькнула боль, затем злость. Не на неё. На самого себя.

— Удобно? — переспросил он тихо. — Кира, я каждую ночь думал, что ты больше не откроешь глаза. Я слышал, как врачи говорили о тебе так, будто тебя уже нет. Я сидел здесь и пытался ненавидеть себя за то, что не смог тебя вытащить. Так что нет. Мне не удобно.

Тишина в палате стала оглушительной.

Кира смотрела на него и вдруг почувствовала, как комната слегка качнулась. Перед глазами снова мелькнуло воспоминание.

Его рука в её руке.

Кровь на полу.

Его голос: Я вернусь за тобой.

Она не знала, правда ли это. Не знала, принадлежит ли воспоминание ей или его словам. Но сердце сжалось так сильно, что стало трудно дышать.

— Максим, — прошептала она.

Он мгновенно смягчился.

— Я здесь.

— Пожалуйста... уезжай.

Эти слова дались ей труднее всего.

Он не пошевелился.

— Ты уверена?

Кира отвернулась к окну.

— Я ничего не помню. Не знаю, кому верить. Не знаю, почему ты смотришь на меня так, будто я должна... будто я обязана чувствовать то же самое.

— Ты ничего мне не обязана.

— Тогда уезжай.

Максим закрыл глаза.

Несколько секунд Кира слышала только дождь и монитор. Ей казалось, что он сейчас уйдёт. Это было бы правильно. Логично. Безопасно.

Но мысль о том, что дверь закроется за ним, внезапно стала невыносимой.

— Я уйду, если ты этого действительно хочешь, — сказал он наконец. — Но не потому, что перестану быть рядом.

Кира повернула голову.

— Это как вообще понимать?

— Буквально. Я могу выйти из палаты. Могу уехать из здания. Могу даже, если очень попросишь, не попадаться тебе на глаза.

— Великодушно.

— Я невероятно великодушен, когда меня не бьют током и не пытаются выбросить из окна.

— Я пыталась?

Максим помолчал.

— Один раз.

— И?

— Окно было закрыто.

Кира смотрела на него несколько секунд, затем слабо улыбнулась. Улыбка тут же исчезла, но Максим заметил её.

— Вот видишь, — тихо сказал он. — Уже есть прогресс.

— Не обольщайся.

— Поздно. Я девять месяцев ждал, когда ты снова скажешь мне что-нибудь язвительное. Он говорил спокойно, но его голос дрогнул на последнем слове.

Кира почувствовала, как напряжение в ней меняется. Не исчезает. Просто становится другим. Она всё ещё боялась его. Или того, что он мог знать. Или того, что могла вспомнить рядом с ним.

Но сильнее всего она боялась увидеть, как он уйдёт.

— Не уезжай, — сказала она.

Максим замер.

Кира отвела взгляд.

— Я не сказала, что доверяю тебе.

— Я понял.

— И не думай, что это приглашение вести себя так, будто ты герой из плохой романтической книги.

— Очень обидно. Я уже мысленно распахнул окно, чтобы эффектно уйти в дождь.

— С третьего этажа?

— Я бы нашёл лестницу. Я всё-таки драматичный, а не глупый.

— Спорно.

Он улыбнулся. По-настоящему. И от этой улыбки её сердце снова сбилось с ритма.

Максим подошёл ближе, остановившись у кровати.

— Можно? — спросил он.

Кира не сразу поняла.

Он смотрел на её руку.

Не на губы. Не на лицо. На её пальцы, лежащие поверх белой простыни.

В этом было столько осторожности, что ей вдруг стало больно.

Она медленно кивнула.

Максим взял её ладонь обеими руками. Его пальцы были тёплыми, чуть шершавыми. Он сжал её очень бережно, словно боялся причинить боль даже дыханием.

И в этот миг память ударила сильнее.

Холодный коридор.

Его ладонь.

Грохот.

Его лицо совсем близко.

Не отпускай меня.

Кира вздрогнула.

Максим наклонился к ней.

— Что ты вспомнила?

Она смотрела на него, не в силах ответить. В горле стоял ком. Его лицо было так близко, что она различала усталую тень у глаз, маленький шрам у виска, едва заметный запах дождя и кофе.

— Я не знаю, — прошептала она. — Но мне кажется, что я тебя потеряла.

Его взгляд потемнел.

— Нет.

— Я не знаю, что было между нами.

— Не нужно знать всё сейчас.

— А если я не вспомню?

Максим сглотнул.

— Тогда я буду знакомиться с тобой заново. Столько раз, сколько понадобится.

Он наклонился ещё немного.

— Но только если ты позволишь.

Кира смотрела на его губы. Потом снова на глаза.

Ей следовало отвернуться. Сказать, что она устала. Позвать врача. Напомнить себе, что человек перед ней может быть опасен.

Вместо этого она тихо сказала:

— Ты слишком много говоришь для человека, который выглядит так мрачно.

Максим выдохнул, почти смеясь.

— Это нервное.

— У тебя?

— Ты производишь на меня разрушительное впечатление.

— Я лежу под капельницей.

— И всё равно умудряешься быть угрозой.

Кира слабо качнула головой.

— Невыносимый.

— Ты любила это качество.

Она застыла.

Максим тут же отстранился.

— Прости. Не надо было.

Но Кира удержала его за рукав.

Сама удивилась тому, что сделала.

Он посмотрел на её пальцы, затем на неё.

— Можно? — спросил он снова.

На этот раз она поняла вопрос сразу.

Кира кивнула.

Его поцелуй был осторожным. Сначала едва ощутимым, будто он давал ей возможность отступить в любую секунду. Тёплое прикосновение к её виску. Потом к щеке. К уголку губ.

Кира закрыла глаза.

Её тело помнило раньше разума.

В груди разлилось тепло, болезненное и сладкое. Она не могла вспомнить ни одного дня с ним. Ни одного разговора. Но в прикосновении Максима было что-то отчаянно знакомое. Словно он возвращал ей не прошлое, а часть её самой.

Он целовал её лицо коротко, бережно, словно боялся нарушить хрупкое чудо её пробуждения. Лоб. Щёку. Влажную дорожку слезы у глаза. Затем остановился.

— Я больше тебя не отпущу, — сказал он.

Кира открыла глаза.

В его голосе не было приказа. Только обещание, от которого становилось страшно и спокойно одновременно.

— Это звучит очень романтично, — прошептала она. — И немного как угроза.

— Я умею быть многогранным.

— Самоуверенным тоже.

— Только рядом с тобой.

Её губы дрогнули. Максим смотрел на неё так, словно весь мир для него сузился до этого вдоха, этого слабого движения, этой попытки улыбнуться.

А потом за дверью что-то щёлкнуло.

Не обычный звук замка.

Тихий, механический, слишком знакомый.

Кира застыла.

В голове снова поднялся шум.

Голоса.

Белый коридор.

Красная лампа.

Слова, которые она не хотела слышать.

Субъект К-17. Пробуждение подтверждено.

Свет в палате мигнул.

Максим мгновенно выпрямился. Его лицо изменилось: тепло исчезло, уступив место холодной собранности.

Он шагнул между Кирой и дверью.

— Что происходит? — спросила она.

Максим не ответил сразу.

Он смотрел на ручку двери так, словно знал, кто может оказаться снаружи.

— Помни одно, — сказал он тихо. — Что бы сейчас ни случилось, ты не одна.

Дверная ручка медленно повернулась.

И Кира вдруг поняла, что тишина закончилась.

Глава 2. После пробуждения

Кира проснулась от того, что кто-то спорил за дверью.

Голоса доносились приглушённо, сквозь плотную стену и ровный гул вентиляции, но один из них она узнала сразу.

Максим.

Даже не видя его, Кира поняла, что он злится. Не громко. Максим, кажется, вообще не умел злиться громко. Его голос становился ниже, спокойнее и от этого почему-то опаснее.

— Она только пришла в себя, — говорил он. — Вы не будете задавать ей вопросы, пока она не сможет нормально стоять на ногах.

— Мы не следователи, — ответил женский голос. Сухой, усталый, профессиональный. — Мы врачи.

— Тогда ведите себя как врачи.

— Господин Воронцов...

— Не называйте меня так.

Кира открыла глаза.

Палата медленно проступила из полумрака. Ночь за окном ещё не ушла, но уже стала серой, почти прозрачной. Дождь закончился, оставив на стекле длинные неподвижные дорожки. За ними темнели здания, высокие и безликие, с редкими горящими окнами. Город казался чужим, словно его нарисовали по памяти люди, которые никогда не видели настоящего утра.

На тумбе стоял стакан воды, белая ваза с синими и белыми цветами и маленькая коробка без подписи. Рядом лежал серебристый браслет с тонкой звездой.

Кира смотрела на него несколько секунд.

Внутри что-то дрогнуло.

Не воспоминание. Скорее боль от воспоминания, которое стояло слишком далеко, чтобы к нему прикоснуться.

Она протянула руку. Пальцы слушались плохо, будто принадлежали не ей. Браслет оказался холодным. На внутренней стороне звезды была крошечная царапина, похожая на неровную букву.

К.

Или М.

Или просто след времени.

— Он тебе идёт.

Кира вздрогнула и повернула голову.

Максим стоял в дверях. На этот раз без пальто, в тёмной рубашке, которую он явно надел наспех. Волосы всё ещё были влажными, как после дождя или холодного душа. Он держал бумажный стаканчик с кофе и смотрел на неё так внимательно, будто боялся, что стоит моргнуть, и она снова исчезнет.

— Ты всегда подкрадываешься к людям, которые только вышли из комы? — спросила Кира.

Уголок его губ дрогнул.

— Нет. Обычно они не пытаются украсть мои вещи с таким подозрительным видом.

Кира подняла браслет.

— Это твоё?

— Нет.

— Тогда почему ты сказал, что он мне идёт?

— Потому что я хотел произвести впечатление.

— На женщину, которая не помнит тебя?

— Особенно на неё. У меня мало конкурентов.

Она хотела усмехнуться, но вместо этого вдруг почувствовала слабость. Мир едва заметно накренился. Максим сразу поставил кофе на тумбу и сделал шаг к кровати.

— Не вставай резко.

— Я и не собиралась вставать.

— Ты выглядишь так, будто собираешься сбежать через окно.

Кира посмотрела на дождливое стекло.

— Третий этаж?

— Четвёртый.

— Тогда твоя оценка моих способностей ещё хуже, чем я думала.

— Кира.

В его голосе прозвучало предостережение, но за ним скрывалось облегчение. Она поняла: он рад даже тому, что она язвит. Будто её раздражение было доказательством жизни.

Максим сел рядом, но не слишком близко. Он явно помнил её просьбу не прикасаться без разрешения. Это почему-то цепляло сильнее, чем его вчерашние слова.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Будто меня уронили с лестницы, потом извинились и решили повторить.

— Врачи сказали, что это нормально.

— У врачей удивительно широкий список того, что считается нормальным.

— Согласен.

— У меня голова гудит.

— Я знаю.

— Нет, не знаешь. — Кира прижала пальцы к виску. — Там как будто... слишком много людей. Они говорят одновременно. Иногда я слышу слова. Иногда просто чувствую, что должна что-то вспомнить.

Максим перестал улыбаться.

— Какие слова?

Кира закрыла глаза.

Сначала была только тяжесть. Потом всплыл белый свет, слишком яркий, режущий глаза. Металлический стол. Чья-то ладонь на её плече. Голос за стеклом.

Не отвечайте на вопрос сразу. Пауза показывает истинную реакцию.

Она резко распахнула глаза.

— Они задавали мне вопросы.

— Кто?

— Не знаю.

— Что именно спрашивали?

Кира попыталась удержать образ, но он уже распадался. Ей остался только звук: щелчок ручки, шорох бумаги, приглушённый смех за стеной.

— Моё имя. — Она сглотнула. — Как зовут мою мать. Чего я боюсь. Кому я доверяю.

Максим опустил взгляд.

— И что ты отвечала?

— Не знаю.

— Это неважно.

Кира медленно посмотрела на него.

— Когда человек говорит «это неважно», обычно именно это и важно больше всего.

— Ты быстро учишься.

— Я вообще-то лежу здесь с потерянной памятью. Не порть мне репутацию.

Он тихо выдохнул, и на секунду в его лице появилась знакомая ей по вчерашнему вечеру усталость. Не просто недосып. Вина. Та, которую человек носит так долго, что она становится частью походки, взгляда, каждого недоговорённого слова.

— Ты не обязана вспоминать всё сразу, — сказал Максим. — Некоторые вещи лучше вернуть постепенно.

— А некоторые лучше вообще не возвращать?

Он не ответил.

Кира опустила глаза на браслет.

— Ты подарил его мне?

— Нет.

— Ты очень плох в загадочности. Каждый раз, когда ты врёшь, у тебя меняется лицо.

— У меня не меняется лицо.

— Меняется.

— Нет.

— Максим, ты сейчас выглядишь как человек, которого поймали с чужими документами у входа в банк.

— Удивительно конкретное сравнение.

— Значит, я права.

Он провёл рукой по волосам, затем посмотрел на браслет.

— Он был на тебе, когда тебя привезли сюда.

— И ты не знаешь, откуда он?

— Знаю. Но не знаю, что он значит.

Кира сжала звезду в ладони.

В тот же миг в голове вспыхнуло короткое, почти болезненное видение.

Тёмная лестница.

Девушка в сером платье стоит на площадке этажом выше.

В её руке такой же браслет.

— Если дверь откроется, не слушай голос, — шепчет она. — Он будет говорить твоим голосом.

Кира резко выронила браслет.

Металл ударился о тумбу с сухим звоном.

Максим мгновенно наклонился к ней.

— Что случилось?

— Девушка.

— Какая девушка?

— Я не знаю. Она была... — Кира зажмурилась, пытаясь поймать детали. — Тёмные волосы. Серое платье. Лестница. Она сказала, что нельзя слушать голос.

Лицо Максима стало неподвижным.

Слишком неподвижным.

— Ты знаешь её, — прошептала Кира.

— Возможно.

— Максим.

— Её звали Лера.

Это имя отозвалось холодом под рёбрами.

— Кто она?

Он некоторое время смотрел на её руки.

— Она была студенткой.

— Была?

— Она пропала.

— В университете?

Максим медленно поднял взгляд.

Кира увидела ответ раньше, чем он произнёс его.

— Да.

Слово прозвучало тихо.

Но после него палата будто стала меньше.

Кира повернула голову к окну. В стекле отражались она, белая кровать, серые стены и Максим рядом. За их отражением, в дальнем конце палаты, виднелась тень у двери.

Высокая.

Неподвижная.

Она моргнула.

Тень исчезла.

— Ты что-то увидела? — спросил Максим.

— Нет.

Он не поверил.

Она поняла это по тому, как быстро он посмотрел на дверь.

— Ты вчера сказал, что комплекс уничтожен, — произнесла Кира. — Но университет существует.

— Существовал.

— Какая разница?

— Огромная.

— Тогда объясни.

Максим наклонился ближе. Его руки лежали на коленях, сжатые так крепко, что побелели костяшки пальцев.

— Университет был частью программы. Внешне обычное закрытое учебное заведение. Отбор, гранты, общежития, преподаватели. Люди приезжали туда за будущим.

— И что получали?

Он посмотрел на неё с такой горечью, что Кира пожалела о вопросе ещё до того, как услышала ответ.

— Не все возвращались.

Тишину разрезал стук в дверь.

Максим сразу встал.

— Не входить, — сказал он.

Дверь всё равно открылась.

На пороге появилась доктор Соколова. Сегодня на ней был светло-серый костюм вместо халата, а в руках тонкий планшет. Она выглядела спокойной, но Кира уже знала: спокойствие этой женщины слишком тщательно собрано, чтобы быть настоящим.

— Мне нужно осмотреть пациентку, — сказала Соколова.

— Через десять минут, — отрезал Максим.

— Сейчас.

— Она не готова.

— Максим, я не прошу разрешения.

— А зря.

Кира наблюдала за ними, ощущая всё более неприятное давление в висках.

— Я здесь вообще-то тоже есть, — заметила она.

Доктор Соколова повернулась к ней.

— Кира, как вы себя чувствуете?

— Как человек, которого обсуждают в третьем лице, пока он лежит в собственной кровати.

Максим едва заметно улыбнулся.

Соколова не улыбнулась.

— У вас были видения? Провалы памяти? Незнакомые голоса?

Кира напряглась.

Почему именно эти вопросы?

Она медленно перевела взгляд на Максима. Он смотрел на доктора так, словно был готов вырвать планшет из её рук и разбить об стену.

— Откуда вы знаете про голоса? — спросила Кира.

Соколова помедлила.

— Это типичные последствия длительной комы.

— Вы так сказали вчера.

— Потому что это правда.

— Нет, — тихо произнесла Кира. — Это заученный ответ.

Врач чуть изменилась в лице.

Всего на долю секунды.

Но Кира заметила.

— Максим, — сказала она, не отрывая глаз от Соколовой. — Пожалуйста, выйди.

Он резко повернулся к ней.

— Кира...

— Я хочу поговорить с ней одна.

— Нет.

— Это не вопрос.

— А я не могу оставить тебя с ней.

— Почему?

— Потому что...

Он замолчал.

Доктор Соколова холодно сказала:

— Потому что господин Воронцов считает, что все вокруг хотят причинить вам вред.

— Я не считаю, — ответил Максим, не глядя на неё. — Я знаю.

Кира почувствовала, как по коже пробежал холод.

Она должна была испугаться.

Вместо этого внутри поднялось раздражение.

— Если вы оба продолжите говорить загадками, я выздоровею только ради того, чтобы сбежать от вас.

Максим посмотрел на неё. В его взгляде мелькнула усталая нежность.

— Это уже звучит как план.

— Отлично. В нём есть кофе?

— Я принесу тебе кофе, когда врач разрешит.

— Ты контролируешь даже кофе?

— Только потому, что ты наверняка попросишь двойной и без сахара, а потом заявишь, что он отвратительный.

Кира замерла.

— Я так делаю?

Его улыбка исчезла.

— Делала.

Это простое слово внезапно стало тяжелее всего, что он сказал.

Делала.

Будто прежняя Кира была где-то в прошлом, отдельно от неё. Будто она умерла, а в этой палате осталась только её плохо собранная копия.

Максим понял, что ошибся.

— Ты всё ещё ты, — быстро сказал он.

— Откуда тебе знать?

— Потому что ты злишься на меня через двадцать минут после пробуждения. Это очень убедительный аргумент.

Кира не удержалась и тихо фыркнула.

Доктор Соколова сжала планшет.

— Я вернусь через полчаса, — сказала она. — И, Максим, вам придётся уйти. Пациентке нужен покой.

— Она скажет мне сама.

Соколова посмотрела на Киру.

— Вам нужен покой.

Кира снова перевела взгляд на Максима. Он стоял рядом с дверью, высокий, мрачный, слишком напряжённый. В нём было что-то такое, что одновременно успокаивало и пугало: как будто он закрывал от мира, но мог закрыть слишком плотно.

— Мне нужен завтрак, — сказала Кира. — И ответ на вопрос, почему я помню лестницу, которой никогда не видела.

Доктор Соколова побледнела.

Максим ничего не сказал.

Кира заметила, как его взгляд метнулся к браслету со звездой.

— Какую лестницу? — спросила врач слишком ровно.

Кира наклонила голову.

— Ту, которая ведёт на тринадцатый этаж.

На секунду перестали звучать даже приборы.

Доктор Соколова медленно опустила планшет.

А за окном, на стекле, одна из неподвижных капель вдруг потекла вверх.

Кира увидела это первой.

И поняла: тишина в этой палате была не отсутствием звука. Она была чьим-то ожиданием.

И от этого шли мурашки по коже...

Максим не ответил сразу.

После слов о тринадцатом этаже палата словно застыла. Доктор Соколова держала планшет обеими руками, но Кира видела, как побелели её пальцы. Даже ровный свет над кроватью теперь казался слишком холодным.

— Какой этаж? — переспросила врач.

— Тринадцатый, — спокойно повторила Кира. — Длинная лестница, бетонные ступени, дверь без ручки. И девушка в сером платье. Она сказала, что нельзя слушать голос, если он будет говорить моим голосом.

Соколова сделала шаг назад.

Это движение было коротким, почти незаметным. Но Кира увидела его.

— Я думаю, вам нужно отдохнуть, — произнесла врач.

— А я думаю, что вы только что поняли: моя память возвращается не так, как вам хотелось бы.

— Кира, — предупреждающе сказал Максим.

— Нет. Хватит. — Она повернулась к нему. — Девять месяцев я была без сознания. Я не знаю, где была до этого, не помню, что со мной делали, не понимаю, почему меня трясёт от слова «университет». А вы оба смотрите на меня так, будто я вот-вот скажу пароль от ядерного чемоданчика.

Соколова сжала губы.

— Ваша нервная система пережила тяжёлую нагрузку. Некоторые воспоминания могут быть искажены.

— Удобная формулировка, — заметила Кира. — Любую правду можно объявить искажением.

Максим шагнул вперёд.

— Доктор, выйдите.

— Максим, пациентке необходим осмотр.

— Я сказал: выйдите.

В его голосе не было повышения тона. Только такая стальная ровность, от которой Кира почувствовала, как по коже пробежал холод. Соколова посмотрела на него несколько секунд, потом перевела взгляд на Киру.

— Я вернусь через двадцать минут.

— Принесите честные ответы, — сказала Кира.

Врач ничего не ответила. Дверь закрылась за ней мягко, почти бесшумно.

Кира дождалась щелчка замка и только потом повернулась к Максиму.

— Теперь ты.

Он медленно выдохнул.

— Теперь я.

— Без фраз «не сейчас», «ты не готова» и «тебе нужно беречь себя».

— Последняя фраза объективно разумная.

— Максим.

— Хорошо.

Он придвинул стул ближе к кровати, но сел не сразу. Сначала посмотрел на неё так, словно пытался решить, какую правду можно произнести и не разрушить окончательно то хрупкое спокойствие, которое только начало появляться между ними.

— Ты ничего не помнишь, потому что после аварии твоя память пострадала, — сказал он наконец. — Но это не вся причина.

— Конечно, не вся.

— В университете работали с памятью. Не только с воспоминаниями. С реакциями, страхами, привязанностями. Они могли заставить человека забыть разговор, изменить порядок событий, оставить в голове пустое место, которое мозг потом заполнял чем угодно, лишь бы не видеть настоящую картину.

Кира почувствовала, как пальцы сжали простыню.

— Они сделали это со мной?

— Да.

Ответ прозвучал тихо. Без оправданий.

— И ты знал?

Максим посмотрел в пол.

— Я знал, что они пытались.

— Пытались?

— Ты сопротивлялась сильнее, чем ожидали. Поэтому тебя не могли просто стереть. Твоя память не исчезла. Её разбили на части.

Кира медленно подняла на него глаза.

— Как зеркало.

— Да.

— Поэтому я вижу отдельные вещи? Лестницу, девушку, эту проклятую дверь?

— Да.

— И поэтому мне кажется, что я вспоминаю не свою жизнь, а чужой кошмар?

Максим кивнул.

— Иногда воспоминания возвращаются не словами. Запахом. Звуком. Телесным ощущением. Ты можешь почувствовать страх раньше, чем поймёшь, чего именно боишься.

— Очень удобно для людей, которые превратили чужую голову в архив с закрытым доступом.

— Кира...

— Нет, скажи. — Она наклонилась вперёд, игнорируя слабость. — Почему мне кажется, что я вспомнила нечто важное? Я не знаю, что это, но внутри будто есть дверь. Я стою перед ней, а за ней кто-то зовёт меня по имени.

Максим побледнел.

— Что именно ты слышишь?

— Не слова. Иногда дыхание. Иногда шаги. Иногда кто-то говорит: «Не открывай».

Максим закрыл глаза на секунду.

— Кто?

— Я не знаю. Но голос женский. И он звучит так, будто она меня любит.

Тишина стала плотной.

Кира наблюдала за ним и вдруг поняла: он знает больше, чем говорит.

— Это Ольга? — спросила она.

Максим поднял взгляд.

— Ты помнишь Ольгу?

— Я не помню. Я спрашиваю. Она жива?

— Да.

— Где она?

— В безопасности.

— Это снова не место на карте, не номер телефона и не ответ.

— Потому что я не могу назвать адрес.

— Не можешь или не хочешь?

— Не хочу, чтобы за тобой пришли раньше, чем мы поймём, кто наблюдает за больницей.

Кира замерла.

— За больницей наблюдают?

Максим посмотрел на окно.

— Я не знаю. Но я не верю в совпадения.

— Ты вечно такой жизнерадостный?

— Я стараюсь.

— У тебя ужасно получается.

На этот раз он коротко улыбнулся.

— Ты и раньше так говорила.

Кира отвела взгляд. Ей не нравилось это «раньше». Оно было как чужое платье, которое все уверяют, что ей очень идёт, но она не помнит, когда согласилась его надеть.

— А Лев? — спросила она. — Он жив?

— Жив.

— Что с ним?

— Он восстанавливается. Ему пришлось тяжелее, чем он признаёт.

— То есть он говорит, что всё в порядке, когда явно всё не в порядке?

— Именно.

— Значит, я уже начинаю его вспоминать.

— Это хороший знак.

— Или просто типичный мужской диагноз.

Максим усмехнулся.

- Лев бы сказал, что это не диагноз, а характер.
- И наверняка добавил бы, что он великолепен.
- Почти дословно.

Кира почувствовала слабое тепло. Не воспоминание, а контур воспоминания. Шумный голос. Упрямая улыбка. Человек, который шутит тогда, когда всем остальным слишком страшно.

- Мой отец? — спросила она вдруг.
- Максим медленно выпрямился.
- И Кира сразу поняла, что этот вопрос оказался опаснее предыдущих.
- Что с ним? — повторила она.
- Он жив.
- Где?
- Кира...
- Не начинай.
- Он не рядом.
- Это я уже поняла. Почему?

Максим посмотрел на свои руки.

- После комплекса он исчез.
- Исчез?
- Он ушёл до того, как началась авария.
- Он бросил меня?
- Я не знаю.
- Ты знаешь.
- Я знаю, что он пытался найти документы о тебе. И знаю, что после той ночи его след

оборвался.

Кира почувствовала, как гул в голове превратился в давление.

Отец. Мужской голос. Запах табака на куртке. Тёплая ладонь на её макушке.

Не верь никому, кто обещает тебе новую жизнь бесплатно.

Она резко вдохнула.

— Он говорил это.

Максим мгновенно наклонился ближе.

- Что?
- «Не верь никому, кто обещает новую жизнь бесплатно». Это говорил мой отец.
- Ты уверена?
- Нет. — Кира прижала пальцы к вискам. — Но это звучит так, будто я слышала это

тысячу раз.

— Хорошо. Не дави на себя.

— Я не давлю. Я пытаюсь понять, почему все, кого я любила, куда-то исчезли, пока я лежала здесь девять месяцев.

Максим замолчал.

Кира заметила, как его взгляд потемнел. Он хотел что-то сказать, но не сказал.

- Вика? — спросила она. — Где Виктория?
- Жива. Она помогает Андрею.
- Помогает с чем?
- С поиском людей, которые были в университете.
- И Артём?

Максим едва заметно нахмурился.

- Артём тоже жив.
- Ты сказал это так, словно жалеешь об этом.

— Я не жалею.

— Тогда почему у тебя лицо человека, которому предложили съесть лимон без рук?

Он посмотрел на неё сдержанно, но в глазах снова мелькнуло тепло.

— Артём умеет быть... сложным.

— Ты ревнуешь к Артёму?

— Нет.

— Очень быстрое «нет».

— Потому что вопрос абсурдный.

— Значит, да.

— Кира.

— Максим.

Он покачал головой, и на этот раз она услышала в его выдохе почти смех.

— Ты проснулась меньше суток назад, ничего не помнишь и уже решила устроить мне допрос о мужчинах из своей жизни.

— Я эффектная.

— Ты катастрофа.

— Но симпатичная катастрофа?

Он застыл.

Кира сама не ожидала, что скажет это. Щёки слегка вспыхнули, но она не отвела взгляд. В его лице на мгновение исчезла усталость. Осталось только то напряжённое, почти болезненное чувство, которое она видела вчера, когда он держал её за руку.

— Очень, — тихо ответил Максим.

Воздух между ними стал другим.

Кира почувствовала, как сердце ускорилося. Монитор рядом тут же выдал возмущённый сигнал.

Она покосилась на него.

— Даже техника считает, что ты слишком драматичный.

— Техника просто завидует.

— Чему?

— Тому, что я сижу рядом с тобой.

— Самоуверенность у тебя, похоже, не пострадала.

— Она пережила многое.

Кира тихо рассмеялась, но смех оборвался, когда мир снова поплыл. На миг ей показалось, что палата погрузилась в темноту. Белые стены сменились серым коридором. В конце коридора стояла девушка в платье и прижимала к груди что-то маленькое, завернутое в белую ткань.

Не ищи меня внизу.

Ищи там, где никто не должен был жить.

Кира резко открыла глаза.

— Тринадцатый этаж, — прошептала она.

Максим напрягся.

— Что ты увидела?

— Девушку. Она сказала искать там, где никто не должен был жить.

— Ты видела её лицо?

— Нет. Но она держала что-то в руках.

— Что?

Кира замолчала.

В её горле встал холодный ком.

— Не знаю.

Это была ложь. Или почти ложь.

Она не могла сказать, что ей показалось: в белой ткани лежал ребёнок. Слишком маленький. Слишком неподвижный. И почему-то она была уверена, что та девушка плакала без звука.

Максим внимательно смотрел на неё.

— Ты можешь не рассказывать всё сразу.

— Какая щедрость.

— Я пытаюсь не давить.

— Ты пытаешься контролировать ситуацию.

— Да, — честно сказал он. — Потому что ситуация уже однажды забрала тебя у меня.

Кира не нашла ответа.

Максим встал, взял бумажный стаканчик с давно остывшим кофе и нахмурился, словно тот лично его предал.

— Тебе нужно поесть.

— Нет.

— Нужно.

— Мне нужно понять, кто я.

— И желательно не упасть в обморок в процессе.

— Ты всегда так разговариваешь с людьми, которые почти умерли?

— Только с теми, кто потом пытается победить смерть с помощью сарказма.

Кира посмотрела на стаканчик в его руке.

— Это кофе?

— Был.

— А сейчас?

— Археологическая находка.

Она сглотнула, чувствуя внезапную, почти физическую потребность в чём-то нормальном. В горьком запахе кофе. В маленьком доказательстве того, что мир всё ещё состоит из простых вещей, а не только из белых коридоров, стёртых лиц и чужих приказов.

— Если ты прямо сейчас не купишь мне кофе, — произнесла Кира очень серьёзно, — я тебя убью.

Максим приподнял бровь.

— Ты под капельницей.

— Я найду способ.

— Впечатляет.

— И ни разу не пожалею.

— Даже если принесу тебе кофе с двойным шоколадным сиропом?

Кира прищурилась.

— Ты хочешь умереть медленно?

— Чёрный, двойной, без сахара.

Она застыла.

— Ты помнишь.

Максим посмотрел на неё мягче.

— Я помню многое.

Кира отвернулась к окну, чтобы он не увидел, как болезненно отозвались в ней эти слова.

— Принеси кофе, Воронцов.

— Уже иду.

— И не вздумай возвращаться с тем, что здесь называют кофе. Я уже девять месяцев не пила нормальный, так что не разрушай мою веру в цивилизацию.

— Девять месяцев ты не пила вообще ничего, Кира.

— Не порть красивую угрозу фактами.

Максим усмехнулся, подошёл к двери, затем остановился и обернулся.

— Я буду через пять минут.

— Через три.

— Кофейня на первом этаже.

— Это не моя проблема.

— Ты ужасный человек.

— Ты говорил, что я катастрофа. Будь последовательным.

Он покачал головой, но улыбка не ушла.

— Три минуты. Не вставай. Не открывай дверь. Не разговаривай с незнакомцами.

— Мне двадцать с лишним лет, Максим.

— В твоём нынешнем состоянии это не аргумент.

— В моём нынешнем состоянии я особенно опасна.

— Я знаю.

Он задержал на ней взгляд ещё на секунду. Потом вышел.

Дверь закрылась.

Щёлкнул замок.

Палата стала слишком тихой.

Кира слушала, как его шаги удаляются по коридору. Сначала уверенные. Потом приглушённые. Потом их не стало.

Она смотрела на воду в стакане, на цветы, на браслет со звездой. Никаких голосов. Никаких теней. Только слабый гул вентиляции и мерный писк монитора.

Ей следовало почувствовать облегчение.

Вместо этого по спине медленно прошёл холод.

Будто кто-то стоял за кроватью.

Слишком близко.

Кира замерла.

Она не слышала шагов. Не слышала, как открывалась дверь. Но отчётливо почувствовала чужое присутствие: тяжёлое, неподвижное, направленное прямо на неё.

И дыхание.

Едва заметное.

Тёплое.

У самого затылка.

Кира медленно повернула голову.

За её спиной никого не было.

Только тёмный угол палаты, стойка капельницы и закрытая дверь в ванную комнату.

Она смотрела туда несколько долгих секунд.

Ничего.

Монитор рядом с кроватью внезапно пискнул чаще.

— Очень смешно, — прошептала Кира, хотя не знала, кому говорит.

Её взгляд упал на подушку.

Под краем белой наволочки, почти полностью скрытый складкой ткани, лежал сложенный вчетверо листок бумаги.

Кира перестала дышать.

Его не было там, когда Максим сидел рядом.

Или был?

Она протянула руку. Бумага оказалась тёплой, словно кто-то только что держал её в ладони.

На первом сгибе было написано одно слово.

КИРА.

Буквы были выведены чёрной ручкой. Неровно, с сильным нажимом.
Она узнала почерк раньше, чем успела испугаться.
Свой.
Пальцы задрожали.
Кира развернула записку.
Внутри было всего три строки.
Не верь Максиму.
Не ищи меня в университете.
Если ты это читаешь, значит, я снова не успела.
Кира перечитала записку ещё раз.
И ещё.
Буквы не исчезли.
Тело похолодело так резко, что она едва не выронила листок.
Внизу, под последней строкой, стояла дата.
Завтрашняя дата.
А за стеклом ванной комнаты кто-то очень тихо постучал три раза...

Глава 3. Когда молчание даёт трещину

Максим вышел из палаты ровно в тот момент, когда Кира развернула записку.

Он не знал этого.

Не знал, что она осталась одна с листом бумаги, исписанным её почерком. Не знал, что на белой простыне рядом с её дрожащими пальцами лежит предупреждение, способное уничтожить всё хрупкое доверие, которое он пытался вернуть по одному осторожному слову.

Он шёл по длинному больничному коридору, и холодный свет потолочных панелей полами ложился на тёмный пол. За матовыми дверями спали люди, работали аппараты, тихо переговаривались медсёстры. Здесь пахло антисептиком, мокрой одеждой и слишком крепким кофе из автомата у лифта.

Максим ненавидел больницы.

Ненавидел их за белые стены, за осторожные голоса врачей, за привычку людей говорить шёпотом, когда боятся, что надежда услышит их и уйдёт. Девять месяцев он приходил сюда почти каждый день. Иногда сидел у кровати Киры до рассвета. Иногда просто стоял у двери, потому что не мог заставить себя войти и снова увидеть её неподвижной.

В те дни он говорил себе, что ждёт ради неё.

На самом деле он ждал ради себя.

Потому что если бы Кира не проснулась, ему пришлось бы признать: всё, что он сделал, всё, что не успел предотвратить, оказалось напрасным.

Телефон завибрировал в кармане.

Максим остановился возле большого окна в конце коридора. За стеклом медленно светлело небо. Город под дождём казался выцветшим, почти бесцветным. Свет фар расплывался в мокром асфальте, а крыши домов прятались в сером утреннем тумане.

На экране высветилось имя: Виктория.

Он нажал на вызов.

— Где ты? — спросила она вместо приветствия.

Голос Вики был напряжённым. Она всегда говорила быстро, когда нервничала, будто пыталась опередить собственные мысли.

— В больнице.

— У Киры?

— Да.

Несколько секунд в трубке слышалось только дыхание.

— Она...

Максим закрыл глаза.

— Проснулась.

Молчание на другом конце было таким долгим, что он успел подумать: связь оборвалась.

Потом Вика резко выдохнула.

— Что?

— Она открыла глаза около часа назад.

— Максим, это не шутка?

— Я не умею шутить так плохо.

— Ты вообще не умеешь шутить.

— Спасибо за поддержку.

Он услышал, как она нервно рассмеялась. Коротко, почти беззвучно. Затем смех оборвался, и в голосе Виктории появилась дрожь.

— Она в сознании? Она говорит? Она помнит?

Максим посмотрел на закрытую дверь палаты в дальнем конце коридора.

— Говорит. Узнаёт имена. Некоторые вещи вспоминает обрывками.

— А нас?

— Не полностью.

Вика замолчала.

— Она не помнит меня?

— Она спрашивала о тебе.

Это была правда. Но не вся.

Максим не сказал, что Кира произнесла имя Виктории так, будто держала в руках осколок стекла и не знала, можно ли сжать его сильнее. Не сказал, что в её взгляде мелькнуло что-то тревожное, когда она услышала о девушке в сером платье.

— Значит, я ей не безразлична, — тихо сказала Вика.

— Ты никогда не была ей безразлична.

— После всего, что я сделала, не тебе это говорить.

Максим сжал телефон крепче.

За девять месяцев Вика изменилась. Та Виктория, которую Кира знала до университета, умела держать спину идеально прямо, отвечать колко и делать вид, что любую боль можно пережить, если подобрать правильную маску. После катастрофы маска треснула.

Она узнала, что её семья была связана с программой. Что документы, подписанные задолго до их знакомства, сделали Киру не студенткой, а объектом наблюдения. И хуже всего было то, что Вика не могла вспомнить, сколько раз сама, не понимая этого, передавала системе сведения о Кире.

— Сейчас не время устраивать себе суд, — сказал Максим. — Нам нужно понять, что происходит.

— Что случилось?

Он посмотрел на окно. Внизу по парковке медленно прошёл санитар в синей форме. Мужчина остановился у чёрного автомобиля без номеров, стоявшего слишком близко к служебному входу. Через секунду машина бесшумно тронулась с места и исчезла за поворотом.

Максим запомнил её номер. Вернее, отсутствие номера.

— Кира вспомнила тринадцатый этаж, — сказал он.

На этот раз Вика не ответила сразу.

— Она не могла знать о нём, — произнесла она наконец.

— Именно.

— Ты рассказывал ей?

— Нет.

— Андрей?

— Нет.

— Тогда кто-то был рядом с ней раньше.

Максим почувствовал, как напряглись плечи.

— Я не знаю. Но у нас есть проблема серьёзнее.

— Какая?

— В больнице слишком много людей, которые задают правильные вопросы.

— Ты опять подозреваешь врачей?

— Я подозреваю всех.

— Это не ответ.

— Это привычка, которая держит нас в живых.

Вика вздохнула.

— Я уже еду.

— Не приезжай одна.

— Максим.

— Не одна, Вика.

— Я возьму Андрея.

— Хорошо. И предупреди его: никаких сообщений в общих чатах, никаких звонков с личных номеров. Только защищённый канал.

— Поняла.

Он уже хотел сбросить вызов, но Вика остановила его.

— Максим.

— Что?

— Ты рад?

Вопрос был простым. Почти жестоким.

Максим посмотрел на дверь палаты.

— Я боюсь, — честно ответил он. — Но да. Рад.

Виктория тихо сказала:

— Не дай им забрать её снова.

— Не дам.

Он завершил вызов и несколько секунд стоял неподвижно. Потом открыл защищённый мессенджер, выбрал имя Артёма и нажал кнопку вызова.

Артём ответил не сразу.

На экране появилась тёмная комната, освещённая только светом нескольких мониторов. На заднем плане мигали строки кода, схемы городских кварталов и спутниковые снимки. Сам Артём сидел за столом в серой толстовке, с кружкой остывшего чая в руке. Он выглядел так, будто не спал несколько суток.

— Если это про твою паранойю с больничной сетью, я уже проверяю, — сказал он. — И да, там есть странные пакеты, но я ещё не уверен...

— Кира проснулась.

Артём замолчал.

Кружка застыла у его губ.

— Скажи ещё раз.

— Кира проснулась.

— Ты сейчас серьёзно?

— К сожалению, да. Иначе я бы добавил что-то остроумное.

Артём медленно поставил кружку на стол. Его лицо изменилось. Обычно он скрывал эмоции за ленивой усмешкой и раздражающей уверенностью человека, который умеет взломать всё, что имеет пароль. Но сейчас усмешки не было.

— Она в порядке?

— Нет.

— Максим.

— Она жива. Говорит. Но почти ничего не помнит.

Артём выругался вполголоса и провёл ладонью по лицу.

— Что именно она помнит?

— Комплекс. Университет. Леру. Тринадцатый этаж.

— Тринадцатый этаж не существует.

— Я знаю.

— На официальных планах здания его нет. На старых планах его тоже нет. Даже в тех, что Лев достал из архива управления строительного надзора.

— Я знаю, Артём.

— Тогда почему она его назвала?

— Я звоню тебе именно поэтому.

Артём резко развернулся к монитору. Пальцы забегали по клавиатуре.

— Подожди. Я проверю кое-что.

Максим слышал быстрый стук клавиш. В коридоре за его спиной открылась дверь, кто-то прокатил тележку с чистым бельём. Колёса тихо поскрипывали по полу. Слишком обычный звук для утра, которое уже начало распадаться на опасные фрагменты.

— Артём, — сказал Максим. — Позвони Льву. Потом Алексею. И Ольге.

— Почему мне?

— Потому что если я позвоню Алексею, он сначала спросит, кто ещё слышал разговор, потом даст мне три инструкции и только потом позволит сказать новость.

— А Лев?

— Лев начнёт шутить, чтобы не паниковать.

— А Ольга?

— Ольга сразу поймёт, что я чего-то не договорил.

Артём помолчал.

— Ты чего-то не договорил?

Максим посмотрел на дверь палаты.

— Пока не знаю.

— Отлично. Ненавижу, когда ты так говоришь.

— Взаимно.

— Я позвоню всем. Но ты должен сообщить Андрею.

— Вика уже едет с ним.

— Тогда держи дверь закрытой и никому не давай доступ к карте Киры.

— Уже.

— И, Максим...

— Что?

— Не оставайся там один.

Максим усмехнулся без веселья.

— Поздно.

Он сбросил вызов.

В другом конце города Артём не сразу сделал следующий звонок.

Он смотрел на экран, где открывалась старая карта университета. Здание выглядело обычным: учебные корпуса, библиотека, общежития, закрытый исследовательский блок. Но за несколько дней до этого он нашёл на старом сервере архивный файл, который не должен был существовать. В нём был слой схемы, скрытый под основными чертежами.

Этажи с первого по двенадцатый.

А затем пустое пространство.

Без номера.

Без подписи.

Но в строке системных метаданных стояло одно слово: Надстройка.

Артём сжал челюсть и нажал на имя Льва.

Лев ответил после третьего гудка.

На экране появилась небольшая кухня, залитая тёплым утренним светом. В открытое окно тянуло влажным воздухом. На подоконнике стояли горшки с зеленью, а на столе лежали разобранный металлический механизм, набор отвёрток и тарелка с почти нетронутыми бутербродами.

Лев сидел в инвалидном кресле, в домашней чёрной футболке, с мокрыми после душа волосами. Его механический протез ноги был прислонён к стене рядом с креслом. Он выглядел уставшим, но в глазах по-прежнему жило то дерзкое выражение, которое появлялось всякий раз, когда мир пытался его сломать и не справлялся.

Позади него стояла Ольга.

Она держала чашку чая обеими руками и смотрела в окно. Светлые волосы были собраны в небрежный узел, на лице не было макияжа, но от этого она выглядела не слабее, а настоящей. За последние месяцы Ольга стала тише. Не холоднее, а осторожнее. Словно слишком хорошо знала цену словам, которые однажды могут привести людей к чужой двери.

— Если ты звонишь, чтобы снова спросить, взломал ли я сервер муниципалитета, — сказал Лев, — то я отвечу: нет. И вообще, я оскорблён, что ты думаешь обо мне так плохо.

— Ты взломал сервер муниципалитета? — спросил Артём.

— Не меняй тему.

— Кира проснулась.

Лев застыл.

Ольга медленно повернулась.

Чашка в её руках дрогнула.

— Что? — спросила она.

Артём повторил, уже тише:

— Кира пришла в сознание. Максим сейчас с ней в больнице.

Лев закрыл глаза и откинул голову на спинку кресла. Несколько секунд он ничего не говорил. Потом коротко, почти зло усмехнулся.

— Наконец-то.

Но голос предательски сорвался на последнем слове.

Ольга поставила чашку на стол так осторожно, словно та была из тонкого стекла. Она подошла ближе к экрану.

— Она помнит нас?

— Не всё. Но спрашивала о вас.

Ольга прижала ладонь ко рту.

— Она спрашивала обо мне?

— Да.

Лев посмотрел на Ольгу. В его взгляде было столько нежности, что Артём невольно отвернулся от камеры, будто стал свидетелем чего-то слишком личного.

После катастрофы Лев и Ольга поселились вместе не из-за красивой истории и не потому, что им вдруг стало легко быть рядом. Просто в первые недели Ольга не могла оставаться одна. Просыпалась от кошмаров, ходила по квартире в темноте и по привычке проверяла замки. Лев не задавал лишних вопросов. Он только однажды сказал: «У меня диван ужасный, но чай нормальный. Можешь остаться». С тех пор она осталась.

Теперь их маленькая квартира стала одним из штабов сопротивления тому, что осталось от системы.

Лев работал с железом и связью. Он разбирал старые передатчики, искал в своём протезе чужие модули, собирал защищённые устройства из деталей, которые другие давно списали бы в мусор. Ольга занималась архивами. Она восстанавливала имена, даты, связи между исчезнувшими людьми. Она не позволяла тем, кого система называла объектами, снова стать просто номерами в закрытых файлах.

Артём обеспечивал цифровую часть. Взламывал базы данных, подчищал следы, строил маршруты для тех, кого нужно было вывести из города. Алексей работал с людьми и документами. Он умел находить слабые места в организациях, где все привыкли бояться. Андрей связывал их между собой, превращая разрозненные догадки в расследование.

А Кира была причиной, по которой всё началось.

И теперь она проснулась.

— Что ещё? — спросил Лев, глядя прямо в камеру. — Ты не стал бы звонить всем в шесть утра только ради хорошей новости.

Артём почувствовал, как неприятный холод прошёл по спине.

— Она назвала тринадцатый этаж.

Ольга побледнела.

Лев медленно перестал улыбаться.

— Откуда она могла о нём узнать?

— Не знаю.

— Максим рассказал?

— Нет.

— Тогда это плохо.

— Да.

Ольга опустилась на стул. Её взгляд стал рассеянным, как будто она смотрела не на экран, а куда-то сквозь него.

— Я видела это место, — сказала она.

Лев повернул к ней голову.

— Оль.

— Не сам этаж. Дверь. — Она сглотнула. — Когда меня держали в архивном блоке, одна из женщин говорила про «уровень, который не отмечают на схемах». Я подумала, что она бредит. Тогда все бредили.

— Что именно она сказала? — спросил Артём.

Ольга закрыла глаза.

— «Там хранят не тех, кто исчез. Там хранят тех, кому ещё не позволили появиться».

На кухне стало тихо.

Лев медленно положил руку поверх её ладони.

— Ты никогда мне этого не рассказывала.

— Я не помнила до сегодняшнего утра.

— Потому что Кира проснулась? — спросил Артём.

Ольга посмотрела на него.

— Возможно. Или потому, что они хотели, чтобы я вспомнила именно сейчас.

Телефон Артёма завибрировал на столе. На экране высветилось имя: Алексей.

Артём нахмурился.

— Он уже в сети.

— Звони, — сказал Лев. — И скажи ему, что хорошая новость закончилась.

Алексей ответил сразу.

Его изображение появилось в полутёмном помещении, похожем на архив или временный офис. За его спиной тянулись металлические стеллажи с коробками. На стене висела карта города, испещрённая цветными нитями и булавками. Алексей выглядел так, как выглядели люди, которые давно перестали верить в отдых: строгая рубашка, тёмные круги под глазами, холодное собранное лицо.

Рядом с ним стояла папка с красной наклейкой: Официально погибшие.

— Я слушаю, — сказал он.

— Кира проснулась, — сообщил Артём.

Алексей не изменился в лице.

Только пальцы его медленно легли на папку.

— Подтверждено?

— Максим видел её. Врачи тоже.

— Она помнит?

— Частично.

— Что именно?

— Университет. Леру. Тринадцатый этаж.

Теперь Алексей всё-таки поднял взгляд.

— Повтори последнее.

Артём повторил.

Алексей подошёл к столу, открыл папку и достал из неё тонкий конверт. Он выглядел старым, пожелтевшим по краям, будто пролежал где-то много лет.

— Я нашёл это вчера ночью, — сказал он. — Среди бумаг Северина.

Он показал лист в камеру.

Текст на нём почти невозможно было прочитать, но в центре страницы была чёткая печать: Тринадцатый уровень. Доступ только по биометрическому совпадению.

Ниже стояла дата.

Дата рождения Киры.

Ольга тихо ахнула.

Лев перестал дышать.

Артём смотрел на документ, чувствуя, как привычная логика рассыпается.

— Это невозможно, — сказал он.

— В нашей жизни давно нет ничего невозможного, — сухо ответил Алексей. — Есть только вещи, которые мы ещё не успели доказать.

— Что это значит? — спросила Ольга.

Алексей посмотрел на фотографию, прикреплённую к листу.

На снимке была дверь из матового стекла. Без ручки. Без номера. В её центре темнел круглый сканер ладони.

А под фотографией чёрными буквами было написано:

Ключевой субъект: Кира Воронцова.

— Это значит, — сказал Алексей, — что Киру выбрали не в университете.

Он сделал паузу.

— Её выбрали раньше, чем она научилась говорить.

В палате на четвёртом этаже Кира всё ещё держала записку в руках.

Она перечитывала три короткие строки, снова и снова, пока буквы не начали расплываться.

Не верь Максиму.

Не ищи меня в университете.

Если ты это читаешь, значит, я снова не успела.

За закрытой дверью ванной комнаты больше никто не стучал.

Но на белом зеркале, которое она видела из кровати, медленно проступали слова, будто кто-то выводил их пальцем по запотевшему стеклу с другой стороны.

Не дай ему вернуться первым.

И в тот же момент в коридоре раздались торопливые шаги.

Максим возвращался с кофе.

Кира спрятала записку под подушку.

Потому что ещё не знала, кого боится сильнее. Человека, который держал её за руку девять месяцев.

Или себя саму, оставившую ей предупреждение из завтрашнего дня ?

Глава 4. Белые стены не умеют молчать

Максим вернулся в палату с двумя стаканчиками кофе, когда часы над дверью показывали без двадцати семь.

Он действительно торопился. Кофейня на первом этаже только открылась, бариста слишком долго возился с аппаратом, а Максим всё это время смотрел на лифт, сдерживая желание бросить стаканчики на стойку и вернуться наверх ни с чем. Он ненавидел оставлять Киру одну. Особенно теперь, когда она проснулась, когда начала вспоминать университет, тринадцатый этаж и людей, которых по всем правилам не должна была помнить.

Но она попросила кофе.

Самую обычную вещь.

И он хотел принести ей эту обычную вещь, потому что в мире, где всё слишком часто заканчивалось кровью, ложью и закрытыми дверями, просьба о кофе казалась почти спасением.

Когда он открыл дверь, первое, что он увидел, были глаза Киры.

Она сидела на кровати, слишком прямо для человека, который ещё несколько часов назад едва могла поднять руку. Белая простыня была натянута у неё на коленях, пальцы сжимали край подушки. Серебристо-белые волосы рассыпались по плечам и груди, скрывая одну щёку. Лицо казалось почти прозрачным в холодном свете утренней палаты.

Но дело было не в бледности.

Она смотрела на него так, словно он вошёл не с кофе, а с оружием.

Максим остановился на пороге.

За окном дождь уже почти закончился. На мокром стекле оставались длинные потёки воды, а за ними медленно оживал город: тёмные машины, редкие фары, тусклые окна высоток. В палате гудела вентиляция. Монитор рядом с Кирой тихо отмечал её пульс.

Пик.

Пауза.

Пик.

Слишком быстро.

— Я принёс правильный, — сказал Максим, осторожно поднимая один стаканчик. — Чёрный, двойной, без сахара. И нет, я не пробовал его первым. Хотя после очереди из трёх человек с очень сложными жизненными историями у кофемашины я заслужил награду.

Кира не улыбнулась.

Максим сразу понял: что-то случилось.

— Что произошло?

— Ничего.

Она ответила слишком быстро.

Он медленно закрыл дверь ногой и поставил стаканчики на прикроватную тумбу. Взгляд Киры метнулся к подушке. Всего на долю секунды. Но Максим заметил.

— Кира.

— Ты принёс кофе. Поздравляю. Можешь поставить его и уйти.

— Ты просила не уходить.

— Я передумала.

— За семь минут?

— Я талантливая.

Обычно на такой ответ он бы усмехнулся. Но сейчас голос Киры дрожал. Она старалась сделать его холодным, язвительным, привычно колючим, однако страх проступал между словами слишком отчётливо.

Максим подошёл на шаг.

— Что ты прячешь?

Кира резко выпрямилась.

— Ничего.

— Я не собираюсь отнимать у тебя вещи.

— Тогда почему ты стоишь так, будто уже решил, что именно я должна тебе отдать?

Он замер.

Вопрос попал точно.

Максим медленно выдохнул.

— Потому что ты напугана. И потому что ты смотришь на меня так, будто я сделал тебе больно.

— Может быть, сделал.

Эти слова прозвучали тихо.

Но они ударили сильнее крика.

Максим не отвёл взгляда.

— Возможно, — сказал он наконец. — И если ты скажешь, чем именно, я выслушаю.

Кира усмехнулась без веселья.

— Очень удобно. Ты предлагаешь мне рассказать, что ты сделал, потому что я сама не помню.

— Я не играю с тобой.

— А разве не этим ты занимался всё время? Следил за мной. Решал, что мне знать. Что мне помнить. Что мне можно чувствовать.

— Я пытался сохранить тебе жизнь.

— Кто дал тебе такое право?

Её голос сорвался на последнем слове.

Максим сделал ещё шаг, но тут же остановился, увидев, как Кира отпрянула к изголовью кровати.

Это движение было маленьким.

Почти незаметным.

Но он почувствовал его так, словно она ударила его в грудь.

— Никто, — тихо ответил он. — Никто не давал. Но я всё равно сделал бы это снова.

— Вот именно.

Кира прижала ладонь к груди. Дышала быстро, поверхностно. В её глазах стояли слёзы, но она моргала так упрямо, словно ненавидела себя за каждую из них.

Максим посмотрел на подушку.

Край листа всё ещё был виден из-под наволочки.

— Это из-за записки?

Кира застыла.

— Какой записки?

— Не заставляй меня угадывать.

— Ты и так, кажется, привык всё знать заранее.

— Кира.

— Не называй меня так, когда хочешь заставить меня успокоиться.

— Я не пытаюсь заставить тебя успокоиться.

— Тогда что ты пытаешься сделать?

Он смотрел на неё несколько секунд. Потом сказал честно:

— Понять, почему ты меня боишься.

В её лице что-то дрогнуло.

Она резко потянулась к подушке, но Максим оказался быстрее. Он не хотел вырывать листок. Не хотел превращать их разговор в борьбу. Однако Кира сжала бумагу так крепко, будто держала не записку, а последнюю возможность защититься.

— Отдай, — сказала она.

— Сначала дай мне посмотреть.

— Нет.

— Это может быть опасно.

— Ты тоже можешь быть опасен.

Максим застыл.

Кира тяжело дышала. На белой бумаге под её пальцами появились складки.

— Там написано не верить тебе, — прошептала она.

Его лицо стало неподвижным.

— Покажи.

— Нет.

— Кира, пожалуйста.

Это «пожалуйста» прозвучало так тихо, что она посмотрела на него иначе. Не с доверием. Но с сомнением.

И всё же листок она не отдала.

Максим протянул руку. Он коснулся края бумаги, стараясь не задеть её пальцы. Кира сжала лист сильнее.

— Не трогай меня.

Он отдёрнул руку.

— Хорошо.

— Ты не понимаешь.

— Тогда объясни.

— Я не могу.

Её голос треснул.

— Я не знаю, что было до этого. Не знаю, где правда. Но я знаю, что этот лист написан моим почерком. Я знаю, что он появился здесь, когда ты ушёл. И я знаю, что там сказано не верить тебе.

Максим медленно кивнул.

— Я понимаю, почему ты испугалась.

— Нет, не понимаешь. Ты не просыпался в чужом теле. Не смотрел на человека, который знает о тебе всё, а сам не мог вспомнить, любил ли ты его или пытался от него сбежать.

В тишине палаты щёлкнул прибор.

Максим опустил взгляд.

— Ты действительно пыталась от меня сбежать, — сказал он тихо.

Кира замерла.

— Что?

— Один раз. До всего этого. Ты узнала, что я работал на систему, и решила, что я тебя предал.

— Ты работал на систему?

Он поднял глаза.

— Да.

Кира побледнела.

— Вот почему ты не хотел отвечать.

— Я не хотел, чтобы ты узнала это вот так.

— А как? Когда бы ты решил, что мне можно знать? Через неделю? Через месяц? Когда я снова начну доверять тебе, а потом окажется, что всё это время я держалась за человека, который...

Она не закончила.

Максим шагнул ближе.

— Я был внутри системы. Но я больше не работаю на них.

— Откуда мне знать?

— Ниоткуда.

— Очень убедительно.

— У меня нет доказательства, которое ты обязана принять. Есть только правда: я был рядом, когда тебя пытались сломать. Я видел, что они делали. Я помог тебе выйти. И я не смог защитить тебя от всего.

Кира смотрела на него, и слёзы наконец сорвались с её ресниц.

— Почему ты говоришь так, будто это должно сделать мне легче?

— Я не думаю, что сделает.

— Тогда зачем?

— Потому что ты заслуживаешь правду.

Она тихо рассмеялась. Смех получился неровным, болезненным.

— Какая ирония. Ты человек, который помогал им менять чужую память, и теперь решил стать честным.

— Я не прошу простить меня.

— А чего ты просишь?

Максим молчал.

Кира смахнула слезу ладонью, но следующая появилась сразу.

— Скажи.

— Времени.

— Для чего?

— Чтобы я мог показать тебе, что больше не принадлежу им.

Кира отвернулась.

За окном город становился светлее, но свет не приносил облегчения. Он ложился на белые стены палаты, на металлические поручни кровати, на провода у монитора, и всё казалось слишком чистым. Слишком правильным. Словно эта комната была не местом, где спасают людей, а декорацией, собранной для того, чтобы заставить их чувствовать себя беспомощными.

Кира посмотрела на капельницу.

На датчик на своём пальце.

На дверь.

На серую тень за матовым стеклом, которая могла быть проходящим врачом. А могла быть кем угодно.

— Я не хочу быть здесь, — сказала она.

Максим не ответил.

Она повернулась к нему, и он увидел её глаза.

Не просто страх.

Боль человека, которого снова заставили жить в месте, где никто не спрашивает согласия.

— Я не хочу, чтобы меня спрашивали, что я помню, — продолжила Кира. — Не хочу отвечать на вопросы. Не хочу смотреть на белые стены и ждать, когда в голове появится ещё один голос. Не хочу, чтобы мне приносили документы и говорили, что это моя жизнь, если я её не помню.

Она прижала ладонь ко рту, пытаясь остановить слёзы.

— Я хочу забыть всё это. Университет. Комплекс. Леру. Тринадцатый этаж. Тебя. Себя. Всё, что они сделали.

Максим почувствовал, как внутри него что-то медленно рушится.

Он не подошёл сразу.

Не потому, что не хотел. Потому что боялся: если он прикоснётся к ней без разрешения, она окончательно закроется. А он уже не имел права требовать от неё доверия.

— Кира, — сказал он тихо.

Она подняла на него мокрые глаза.

— Давай уедем, пожалуйста.

Голос был почти шёпотом.

— Куда-нибудь, где я ничего не буду вспоминать. Где не будет врачей, мониторов, закрытых дверей. Где никто не станет смотреть на меня так, будто я чей-то проект. Я не хочу быть сильной сейчас, Максим. Я не хочу спасать мир. Я просто хочу... чтобы стало тихо.

Она не выдержала.

Слёзы хлынули резко, незащитно. Кира отвернулась, но плечи дрожали так сильно, что спрятать это было невозможно.

Максим подошёл к кровати и опустился перед ней на колени.

— Посмотри на меня.

Она покачала головой.

— Пожалуйста.

Кира медленно подняла лицо.

Максим видел каждую дорожку слёз на её щеках. Видел, как дрожат её губы. Видел усталость, которая не имела отношения к девяти месяцам комы. Это была усталость от чужого контроля, от постоянного ожидания боли, от необходимости всегда бороться за собственную жизнь.

Он осторожно протянул руку.

— Можно?

Кира не ответила словами.

Она просто едва заметно кивнула.

Максим коснулся её щеки кончиками пальцев. Очень бережно, будто боялся спугнуть её. Затем вытер слезу большим пальцем.

— Я увезу тебя, — сказал он.

Кира смотрела на него, не моргая.

— Правда?

— Да.

— Не врёшь?

— Не в этом.

Он говорил тихо, но в каждом слове чувствовалась клятва.

— Я заберу тебя отсюда. Не в университет. Не в очередную клинику, где тебе будут говорить, что с тобой всё в порядке. Туда, где никто не знает твоего имени. Где будут лес, вода и нормальный кофе. Где можно будет проснуться утром и не ждать, что кто-то войдёт без стука.

Кира судорожно вдохнула.

— Когда?

— Мне нужно немного времени.

— Сколько?

— Несколько часов. Я должен проверить, кто следит за больницей, подготовить машину, связаться с людьми, которым доверяю.

Кира горько усмехнулась.

— У тебя есть люди, которым ты доверяешь?

— Удивительно, но да. Некоторые даже терпят мой характер добровольно.

— Наверное, у них очень тяжёлая жизнь.

— Невыносимая.

На её лице мелькнула слабая улыбка. Она тут же исчезла, но Максим успел её увидеть.

— Дай мне время, — попросил он. — Только не делай ничего одна. Не пытайся уйти. Не верь никому, кто назовёт себя моим другом, пока я не скажу тебе сам.

— А тебе верить можно?

Он не стал отвечать сразу.

— Пока нет, — сказал он наконец. — Не потому, что я хочу тебя обмануть. А потому, что ты имеешь право сомневаться. Но я сделаю всё, чтобы однажды ты смогла сказать «да».

Кира смотрела на него долго.

Потом её пальцы медленно коснулись его запястья.

— Я не хочу быть одна.

— Ты не будешь.

Максим наклонился к ней. Он не поцеловал её. Не сейчас. Вместо этого он обнял её так осторожно, словно собирал в руках что-то разбитое и бесконечно ценное.

Кира сначала замерла.

Потом уткнулась лицом ему в плечо.

Её пальцы вцепились в ткань его рубашки. Слезы пропитали тёмный воротник, но Максим даже не пошевелился. Одной рукой он держал её за плечи, другой гладил по волосам медленно, снова и снова.

— Я здесь, — шептал он. — Я здесь. Я никуда не уйду.

— Ты уже ушёл за кофе, — всхлипнула Кира, не поднимая головы.

Максим на секунду закрыл глаза.

— Это была моя худшая ошибка за утро.

— Утро ещё только началось.

— Не пугай меня.

— Не могу обещать.

Он почувствовал, как она слабо улыбнулась ему в плечо.

И в этот момент дверь распахнулась.

Не открылась.

Распахнулась резко, ударившись о стену с громким металлическим звуком.

Кира вздрогнула так сильно, что Максим мгновенно поднялся, заслоняя её собой.

В палату вошла доктор Соколова.

За ней двое мужчин в светло-серой медицинской форме и женщина с планшетом. У всех на груди были одинаковые белые пропуска без имён. Только тонкая чёрная полоса и маленький серебристый знак, похожий на незамкнутый круг.

Максим почувствовал, как холодеет кровь.

Он видел этот знак раньше.

В комплексе.

— Что происходит? — спросил он.

Доктор Соколова выглядела напряжённой, но старалась говорить ровно.

— Пациентке требуется срочное обследование.

— Без моего согласия? — хрипло спросила Кира из-за его спины.

— Кира, это необходимо.

— Нет, — сказал Максим.

Один из мужчин сделал шаг вперёд.

— Пожалуйста, отойдите от кровати.

— Назовите свои имена, — потребовал Максим.

Мужчина не ответил.
Кира медленно выглянула из-за его плеча.
Её взгляд скользнул по лицам вошедших.
По женщине с планшетом.
По высокому мужчине справа.
По третьему человеку, стоявшему чуть позади всех.
Он был моложе остальных. Худой, с коротко стриженными светлыми волосами и пустым, почти безэмоциональным лицом. На его левой руке, у основания большого пальца, тянулся тонкий белый шрам.

Кира застыла.
Её лицо мгновенно потеряло цвет.
— Нет, — прошептала она.
Молодой мужчина поднял на неё глаза.
И Кира увидела, как он едва заметно улыбнулся.
В её голове вспыхнул белый коридор.
Ремни на запястьях.
Запах спирта.
Голос за стеклом:
Субъект реагирует на знакомый триггер. Продолжаем.
Кира закричала.
Это был не просто испуганный крик.
В нём было всё, что она пыталась не вспомнить: ужас, ярость, боль и отчаянная просьба не оставлять её снова.

— Уберите его! — закричала она. — Максим, убери его отсюда! Он был там! Он был в университете!

Монитор сорвался в резкий непрерывный сигнал.
Максим шагнул вперёд, закрывая Киру полностью.
— Никто к ней не подойдёт, — произнёс он.
И человек со шрамом наконец заговорил.
Его голос был спокойным.
Слишком спокойным.
— Здравствуй, Кира.
Она вцепилась в руку Максима обеими ладонями.
— Ты умер, — прошептала она.
Мужчина слегка наклонил голову.
— Именно так вам и сказали.
В палате погас свет.
А затем из динамика монитора прозвучал женский голос:
— Протокол пробуждения подтверждён.
Максим понял: у них больше нет нескольких часов. У них, возможно, не осталось даже нескольких минут.

Марина Воронцова узнала о пробуждении Киры не из звонка.

Телефон лежал экраном вниз на длинном столе из чёрного дерева и молчал уже двадцать три минуты. За высокими окнами старого здания на набережной медленно рождался серый рассвет. Дождь стекал по стёклам ровными холодными дорожками, размывая городские огни, пустую реку и силуэты домов на противоположном берегу.

В кабинете горела одна лампа.

Её жёлтый свет выхватывал из темноты раскрытые папки, распечатки схем, старые фотографии и планшеты, лежавший в центре стола. На экране светилось короткое сообщение с защищённого номера:

К-17 пришла в сознание. Частичная амнезия. Зафиксированы спонтанные ассоциативные воспоминания. Произнесено: «тринадцатый этаж».

Марина перечитала сообщение дважды.

Потом сняла очки и положила их рядом с чашкой давно остывшего кофе.

Внешне она оставалась такой же собранной, как всегда: строгая чёрная рубашка, тёмные волосы, убранные в низкий узел, прямая осанка, тонкое кольцо на указательном пальце. Но пальцы её правой руки едва заметно дрожали.

Это заметил бы только человек, который знал её слишком хорошо.

Таких людей давно не осталось.

— Девять месяцев, — тихо произнесла Марина.

Голос растворился в пустом кабинете.

Она подошла к окну и посмотрела вниз. У служебного входа стоял чёрный автомобиль. Водитель не выходил наружу, не курил, не смотрел в телефон. Просто сидел за тонированным стеклом и ждал.

Марина смотрела на машину несколько долгих секунд, затем задвинула плотную серую штору.

— Значит, ты всё-таки решила вернуться, — сказала она не городу, а девушке, которая лежала сейчас в больничной палате. — Как не вовремя.

Дверь открылась без стука.

Первым вошёл Артём с ноутбуком под мышкой. На нём была серая толстовка, явно надетая наспех, и тёмные джинсы. Он не спал всю ночь: глаза покраснели, волосы были растрёпаны, а на пальцах виднелись следы чернил и пыли от старых архивных коробок.

За ним появилась Виктория. Она всё ещё была в мокром пальто, с распушенными волосами и бледным лицом. Дождь оставил тёмные капли на её воротнике. Она держалась прямо, но пальцы судорожно сжимали ремешок сумки.

Лев въехал в кабинет быстро, почти резко. Его кресло тихо скрипнуло на деревянном полу. Он выглядел уставшим, но привычная насмешка уже была готова сорваться с губ, будто юмор оставался его последней защитой от паники.

Ольга шла рядом. Одна её ладонь лежала у Льва на плече, другая сжимала папку с документами. Она ничего не сказала, но её взгляд сразу упал на планшет в центре стола.

Последним вошёл Алексей. Он прикрыл дверь, проверил замок и только после этого посмотрел на Марину.

Максима среди них не было.

Он остался в больнице с Кирой.

И это отсутствие ощущалось почти физически. Будто в комнате не хватало чего-то тяжёлого, опасного и отчаянно живого. Марина знала: Максим не уйдёт от Киры, даже если ему придётся спорить с врачами, охраной и самой системой. После девяти месяцев ожидания он не оставит её одну ни на минуту.

— Она проснулась, — сказала Виктория.

Марина медленно перевела на неё взгляд.

— Я знаю.

— Откуда? — резко спросил Артём.

— Потому что люди, которые следят за нами, тоже знают.

В кабинете стало тихо.

Лев сжал подлокотник кресла.

— Отличное начало утра, — пробормотал он. — Я почти решил, что сегодня будет обычный день. Взломаем пару архивов, найдём несколько мёртвых людей, выпьем ужасный кофе. Но нет. Мы снова соревнуемся с призраками.

— Призраки хотя бы не умеют подделывать медицинские карты и отправлять сообщения с закрытых каналов, — ответил Артём.

— Кто сообщил тебе? — спросил Алексей.

Марина не сразу ответила.

— Человек внутри больницы.

Ольга резко вдохнула.

— У вас есть человек в больнице?

— У меня есть люди везде, где система могла оставить след, — спокойно ответила Марина. — И сейчас это не повод устраивать нравственный суд. Благодаря этому человеку мы знаем, что пробуждение Киры заметили не только мы.

— Кем? — спросила Виктория.

Марина повернула планшет к ним.

Под первым сообщением появилось второе:

Наблюдение возобновлено. Протокол К-17 не завершён.

Ни подписи. Ни номера. Только несколько слов и отметка времени.

Ольга побледнела. Лев тут же накрыл её ладонь своей.

— Они всё ещё называют её объектом, — прошептала Ольга.

— Для них Кира никогда не была человеком, — сказал Алексей.

Он стоял у стеллажа с папками, неподвижный и мрачный. В его руках была тонкая папка с потёртой красной наклейкой: «РЕЙНЕР. ВНУТРЕННИЕ МАТЕРИАЛЫ».

Марина заметила, куда он смотрит.

— Не сейчас, Алексей.

— Нет, именно сейчас, — ответил он. — Ты собрала нас не для того, чтобы повторить очевидное. Что ты скрываешь?

Марина посмотрела на него долго, почти с сожалением.

— Я скрывала это, потому что надеялась: Кира никогда не проснётся с доступом к этим воспоминаниям.

Виктория отшатнулась на шаг.

— Что это значит?

Марина открыла папку.

Внутри лежали фотографии, напечатанные на плотной старой бумаге. На первой был университетский корпус: серое здание, высокие окна, мокрые ступени и совершенно пустой двор. На второй виднелся длинный коридор с металлическими дверями. На третьей была лестница, исчезающая в темноте.

На четвёртой фотографии находилась дверь из матового стекла.

Без номера.

Без ручки.

В центре темнел круглый сканер ладони.

Под изображением от руки было написано:

Уровень 13. Вход только для носителей первого контура.

— Это невозможно, — тихо сказал Артём. — В здании двенадцать этажей. Мы проверили планы, архивы, спутниковые снимки, старые документы строительного надзора.

— В видимой части здания, — сказала Марина.

Лев усмехнулся без веселья.

— Конечно. Потому что нормальные люди строят подвалы, а эти устраивают секретные этажи между этажами. Очень ненавязчиво.

— Уровень не находился над двенадцатым этажом, — продолжила Марина. — Он был спрятан между архитектурными слоями комплекса. Технические шахты, закрытые лестницы, серверные отсеки, ложные стены. Для студентов его не существовало. Для большинства сотрудников тоже.

— Что там было? — спросила Ольга.

Марина ответила не сразу.

За стеной щёлкнули трубы отопления. Где-то далеко хлопнула дверь. Обычные звуки, но теперь каждый из них казался слишком громким.

— Там не проводили испытания, — сказала Марина. — Там решали, кому позволят поминуть результаты испытаний.

Ольга медленно опустилась на край кресла рядом со Львом.

— Значит, те, кто исчезал...

— Не всегда умирали, — закончил Алексей. — Иногда им давали новые документы. Иногда стирали прошлое. Иногда помещали в другой контур и заставляли поверить, что прежней жизни не было.

Лицо Ольги стало неподвижным.

— А Лера?

Марина подняла на неё глаза.

— Я не знаю.

— Не лги, — тихо произнесла Ольга.

— Я не знаю, жива ли она сейчас.

Ответ прозвучал почти как признание.

Виктория подошла к столу и положила ладонь на край папки.

— Максим сообщил, что Кира что-то нашла в палате, — сказала она. — Он не объяснил по телефону. Сказал только, что нужно приехать и не писать ему сообщений.

Артём нахмурился.

— Что именно она нашла?

Алексей посмотрел на экран своего телефона. На нём мигнуло защищённое уведомление.

— Максим отправил фотографию десять минут назад.

Он развернул телефон к остальным.

На снимке лежал сложенный вчетверо листок бумаги. Почерк был неровным, с сильным нажимом.

Не верь Максиму.

Не ищи меня в университете.

Если ты это читаешь, значит, я снова не успела.

Виктория медленно закрыла глаза.

Ольга выпрямилась.

Лев перестал улыбаться.

Артём поставил ноутбук на стол так осторожно, будто боялся, что любое движение спугнёт смысл написанного.

— «Снова не успела», — повторил он. — Это не похоже на последствия комы.

— Нет, — сказала Марина. — Не похоже.

— Ты знаешь, что это значит? — спросил Алексей.

Марина отвернулась к закрытым шторам.

— Думаю, у Киры сохранились фрагменты памяти, которые не принадлежат одной последовательности событий.

— Говори нормально, — попросил Лев. На этот раз без шутки.

Марина повернулась к ним.

— В системе существовал проект «Эхо». Они не просто стирали память. Стирание заметно. Они создавали несколько вариантов одного события и закрепляли их одновременно. Человек мог помнить пять разных исходов одной ночи.

— В одном варианте он выжил, — тихо продолжила Виктория.

— В другом предал, — сказала Марина.

— В третьем погиб, — добавил Артём.

— А в четвёртом оставил сообщение самому себе, — закончила Ольга.

Марина кивнула.

— И мозг больше не мог определить, какая версия настоящая.

Лев медленно провёл ладонью по лицу.

— То есть записку могла написать Кира из другого варианта событий?

— Возможно.

— Или её подделали, — сказал Артём.

— Возможно.

— Или она действительно пыталась предупредить себя, — тихо произнесла Ольга.

Марина посмотрела на неё.

— Возможно.

— Максим говорил, что бумага была тёплой, — сказала Виктория.

В комнате стало тихо.

— Тёплой? — переспросил Алексей.

— Будто лист положили под подушку недавно. Пока он выходил за кофе.

Артём резко раскрыл ноутбук.

— В палате есть камера?

— По документам нет, — сказала Марина.

— По документам, — повторил Артём. — Прекрасно. Значит, проверю не документы.

Его пальцы застучали по клавиатуре.

Марина смотрела на экран, но думала о другом.

— Они не пришли за Кирой сразу, — произнесла она.

— Откуда ты знаешь? — спросила Виктория.

— Если бы их целью было просто забрать её, палата уже была бы пуста. Они наблюдают.

Им нужно понять, что именно она помнит и кто из нас поведёт себя так, как они рассчитывают.

— Что будет дальше? — спросила Ольга.

Марина сделала паузу.

— Они предложат ей выбор.

— Какой? — спросил Лев.

— Вернуться добровольно или потерять тех, кого она любит.

Виктория отвернулась к окну.

Алексей сжал край стола.

— Мы не позволим ей остаться в больнице, — сказал он.

— Мы не должны делать резких шагов, — возразила Марина. — Они ждут паники. Ждут, что мы начнём прятать Киру, врать ей, принимать решения за неё. Чем сильнее мы будем пытаться контролировать её, тем легче им будет убедить её, что мы ничем не отличаемся от системы.

— Она только проснулась, — сказала Ольга. — Ей нужна защита.

— Да. Но не клетка, которую мы назовём защитой.

Виктория снова посмотрела на фотографию двери.

— Почему Кира? Почему с самого начала именно она? Это ведь не было случайностью.

Марина молчала.

— Марина, — голос Вики дрогнул. — Почему именно Кира?

Марина перевела взгляд на всех собравшихся.

На Артёма, который отчаянно пытался взломать больничную сеть.

На Викторину, всё ещё несущую вину за прошлое своей семьи.

На Ольгу, которая боялась услышать правду сильнее, чем любую угрозу.

На Льва, прячущего страх за привычной колкостью.

На Алексея, который прекрасно понимал, сколько разрушений несёт правда.

И наконец сказала:

— Потому что Кира не первый носитель.

В комнате стало так тихо, что капля кофе, упавшая с края чашки на пол, прозвучала почти громко.

— Что? — выдохнула Виктория.

— До неё были другие. Дети. Подростки. Люди с редкой реакцией на внушение и вмешательство в память. Большинство не выдержало. Некоторых система потеряла. Некоторых уничтожила в документах. Но у одного носителя был результат, которого они не ожидали.

Марина достала со дна папки маленькую фотографию.

На ней была молодая женщина с уставшими глазами. Она держала на руках маленькую девочку в белом одеяле. Лицо ребёнка почти полностью скрывала ткань, но на её тонком запястье виднелся серебристый браслет со звездой.

Ольга сделала шаг назад.

— Это я.

Марина кивнула.

— Да.

— И Кира?

— Да.

Ольга взяла фотографию дрожащими руками.

— У меня никогда не было этого снимка.

— Потому что его не должно было существовать.

— Что значит «носитель»? — спросил Лев. В его голосе не осталось ни тени насмешки.

Марина встретила с ним взглядом.

— Это значит, что система следила за Кирой не с момента её поступления в университет.

Она сделала короткую паузу.

— Она следила за ней с рождения.

Ноутбук Артёма резко подал сигнал.

Все повернулись к экрану.

— Я нашёл скрытый поток, — сказал Артём. — Камера в палате всё-таки есть. Она скрыта в вентиляционной решётке. Шифрование старое, но изображение идёт.

На экране появилась палата Кире.

Белая кровать.

Прикрытые шторы.

Тумба с цветами.

Кира сидела на кровати, обняв себя руками. Рядом с ней стоял Максим, спиной к камере. Он наклонился к ней, что-то говорил, а затем обнял её так бережно, словно боялся, что она исчезнет от слишком сильного прикосновения.

Ольга медленно выдохнула.

— Он не оставит её.

— Именно поэтому он уязвим, — мрачно сказал Алексей.

Картинка на экране вдруг дрогнула.

Максим всё ещё стоял рядом с Кирой.

Но в отражении зеркала за её спиной появилась ещё одна фигура.

Девушка в сером платье.

Тёмные волосы закрывали половину лица. Она медленно подняла руку и приложила палец к губам.

Тише.

Виктория ахнула.

Лев подался вперёд.

Ольга побледнела.

Экран погас.

Из динамиков ноутбука прозвучал женский голос, ровный и почти ласковый:

— Первый контур активирован.

Марина закрыла глаза.

Потому что система не просто заметила пробуждение Киры.

Она ждала его с самого начала.

Глава 5. Выхода нет

Свет в палате погас всего на секунду.

Но этой секунды хватило, чтобы всё изменилось.

Монитор у кровати Киры сорвался на длинный пронзительный сигнал. Красная аварийная лампа над дверью мигнула, заливая белые стены густым тревожным светом. В тёмном стекле окна на мгновение отразились четыре силуэта: Кира на кровати, Максим перед ней, доктор Соколова у двери и мужчина со шрамом.

А затем погасло даже отражение.

Максим не видел, как именно первый из людей в серой форме двинулся вперёд. Он просто почувствовал движение. Привычка, выработанная годами, сработала раньше мысли.

Он толкнул дверь ногой, чтобы она захлопнулась за спиной вошедших, и ударил ближайшего мужчину локтем в горло.

Тот захрипел, согнулся, но второй уже рванулся к кровати.

— Не трогайте её! — крикнула Кира.

Её голос прорезал палату резко, с такой яростью, что даже доктор Соколова замерла.

Максим перехватил руку нападавшего в сантиметрах от Киры. Мужчина попытался вывернуться, ударить его в бок, но Максим развернул его к стене и впечатал плечом в металлический шкаф. Дверца шкафа вмялась с тяжёлым звуком.

— Максим! — выдохнула Кира.

— Смотрите на меня, — бросил он, не оборачиваясь. — Не на них.

— Очень легко сказать, когда тебя не пытаются увезти неизвестно куда!

— Технически меня тоже пытаются.

Даже сейчас, даже в этом кошмаре, он услышал, как она коротко и нервно выдохнула, почти рассмеялась.

Мужчина со шрамом стоял у двери и не вмешивался. Его пустые глаза были прикованы к Кире. На его лице по-прежнему держалась едва заметная улыбка.

— Вы не понимаете, — произнёс он спокойно. — Мы не враги.

— Тогда у вас отвратительный способ знакомиться, — процедила Кира.

Доктор Соколова сделала шаг к ней, подняв ладони.

— Кира, послушайте меня. Вам нельзя волноваться. У вас нестабильное состояние. Эти воспоминания не ваши.

— Не мои? — Кира резко повернула голову. — Тогда почему я помню вас?

Соколова застыла.

На секунду её выверенное лицо потеряло спокойствие.

И Кира увидела.

Белая комната без окон. Тонкие ремни на запястьях. Холодный край металлического кресла. Доктор Соколова стоит за стеклом в той же безупречной одежде и говорит кому-то в микрофон:

«Субъект реагирует на образ защитника. Усиьте контраст. Пусть выберет его сама».

Кира судорожно вдохнула.

— Ты была там, — прошептала она.

— Это ложная ассоциация, — быстро сказала Соколова.

— Ты была там!

Максим отбросил от себя мужчину, которого удерживал. Тот ударился о край тумбы, опрокинул вазу. Белые и синие цветы упали на пол, вода растеклась по плитке тонкими дорожками.

Он повернулся к Соколовой.

— Выходите из палаты.

— Максим, вы не понимаете последствий.

— Я понимаю достаточно.

— Если вы уведёте её сейчас, они активируют второй контур.

Максим замер.

Кира почувствовала, как холод пробежал по позвоночнику.

— Что это значит? — спросила она.

Соколова посмотрела не на неё, а на мужчину со шрамом.

И этого оказалось достаточно.

Максим двинулся первым.

Он схватил врача за локоть и оттеснил от кровати. Но мужчина со шрамом наконец сдвинулся с места. Не быстро. Почти лениво. Он достал из кармана небольшой серебристый прибор размером с зажигалку.

— Максим, — тихо сказала Кира. — У него что-то в руке.

Прибор мигнул синим.

Монитор погас.

В ушах Киры раздался тонкий высокий писк. Мир качнулся. Белая палата расплылась, стены начали смещаться, становиться длиннее, выше, чужими. За спиной Максима ей привиделась лестница. Та самая, уходящая в темноту.

Тринадцатый этаж.

— Кира! — голос Максима донёсся будто издалека.

Она вцепилась в край кровати.

Мужчина со шрамом подошёл ближе.

— Спокойно, — сказал он. — Вы уже проходили это. Вам просто нужно вспомнить правильную версию.

Правильную версию.

От этих слов в ней что-то оборвалось.

Кира увидела рядом металлическую стойку для капельницы. Высокую, тяжёлую, с холодными хромированными колёсиками у основания. Она не думала. Не выбирала. Просто схватила её обеими руками и дёрнула на себя.

Крепление капельницы с резким щелчком вылетело из держателя.

Мужчина со шрамом успел повернуться.

Но недостаточно быстро.

Кира ударила.

Металлическая стойка обрушилась ему в плечо и грудь. Он отшатнулся, потерял равновесие, поскользнулся на разлитой воде и рухнул на пол. Прибор вылетел из его руки, ударился о плитку и погас.

В палате стало тихо.

Кира тяжело дышала, всё ещё сжимая стойку. Серебристые волосы рассыпались по лицу. В глазах стояли слёзы, но теперь в них было и другое: ярость, чистая и опасная.

Мужчина попытался подняться.

Кира сделала шаг вперёд, опираясь на стойку, как на оружие.

— Не подходи ко мне, — сказала она.

Он посмотрел на неё снизу вверх.

И впервые его спокойствие исчезло.

Максим застыл на мгновение.

Потом его губы дрогнули.

— Я, возможно, выбрал не лучший момент, чтобы сказать это, — произнёс он, — но это было впечатляюще.

Кира повернула к нему голову.

— Ты восхищаешься тем, что я ударила человека стойкой для капельницы?

— Ты обезоружила его, сохранила дистанцию и выбрала предмет с отличным радиусом действия.

— Максим.

— Я очень горжусь тобой.

— Я только что чуть не убила человека.

— Ты остановила человека, который пришёл причинить тебе вред.

Она посмотрела на мужчину на полу. Тот стонал, прижимая ладонь к плечу. Он был жив.

Кира выдохнула так резко, будто только теперь позволила себе осознать, что сделала.

— Мне не понравилось, — прошептала она.

Максим подошёл ближе, но остановился на расстоянии вытянутой руки.

— Тебе и не должно было понравиться.

Его голос стал серьёзным.

— Но ты выжила. И мы уйдём отсюда.

Доктор Соколова попыталась отступить к двери.

Максим заметил это боковым зрением.

— Стоять.

Она замерла.

— Вы не сможете вывести её из больницы, — сказала врач. — Лифты отключены. На этаж уже идёт охрана.

— Тогда зачем вы предупредили нас? — спросил он.

Соколова посмотрела на Киру.

— Потому что, возможно, я тоже хочу выйти.

— Плохая попытка, — сказала Кира.

— Согласен, — холодно добавил Максим.

В коридоре раздался глухой удар.

Потом второй.

Кто-то ломал дверь в конце этажа.

Максим поднял с пола серебристый прибор, который выронил мужчина со шрамом, и быстро осмотрел его. На корпусе не было маркировки. Только крошечная гравировка: незамкнутый круг.

Он сжал устройство в ладони.

— Нам нужен другой выход.

— Есть служебный коридор, — сказала Соколова. — Через прачечную и технический лифт.

— Ты слишком охотно предлагаешь помощь, — заметила Кира.

— Я знаю, как это выглядит.

— Как ловушка.

— Да.

Максим посмотрел на Киру.

— Она права.

— Я знаю, — ответила Соколова. — Но если бы я хотела передать вас им, я бы уже включила тревогу.

В ту же секунду в коридоре завывла сирена.

Красный свет стал ярче.

Соколова закрыла глаза.

— Поздно.

Максим выругался и достал телефон.

Связь появилась только на одну полоску. Он набрал защищённый номер Артёма.

Тот ответил почти сразу.

— Максим, где ты? Мы нашли камеру. На записи есть фигура в зеркале, но она не должна там быть. Вика считает, что это Лера. Ольга уверена, что это кто-то другой. Алексей молчит, а это, поверь мне, самая тревожная реакция из возможных.

— У нас проблемы, — сказал Максим.

— Я это уже понял по твоему голосу.

— В палату вошли люди системы. Они знают, что Кира проснулась. Они пытались забрать её.

На линии стало тихо.

— Кира с тобой?

— Да.

Кира, всё ещё сжимавшая стойку, наклонилась к телефону.

— Передай ему, что я не вещь, которую можно забрать.

Артём на том конце коротко выдохнул.

— Принято. Судя по интонации, она начинает приходить в себя.

— Судя по стойке для капельницы, уже пришла, — сказал Максим.

— Что?

— Потом. Нам нужен маршрут. Технический лифт, прачечная, выход во двор. Проверь камеры, замки, охрану. И подключи Марину.

— Марина уже здесь. И она сказала, что тебе нельзя пользоваться главным лифтом.

— Я и не собирался.

— Она также сказала, что фигура на записи могла быть не человеком.

Максим посмотрел на мужчину со шрамом.

Тот исчез.

На полу осталась только лужа воды, упавшие цветы и тонкая красная полоска на разбитом приборе.

Кира медленно отступила.

— Максим.

Он увидел пустое место у стены.

— Где он?

Доктор Соколова побледнела.

— Он не мог уйти. Я закрыла дверь.

— Видимо, он не любит правила, — сухо сказала Кира.

В ответ из ванной комнаты донёсся тихий щелчок.

Дверь, которая всё это время была закрыта, медленно приоткрылась.

Максим мгновенно заслонил Киру собой.

Но из темноты никто не вышел.

Только на белой плитке, прямо у порога, лежал сложенный лист бумаги.

Той же неровной рукой на нём было написано:

НЕ ИДИТЕ ВНИЗ.

Кира побледнела.

— Это мой почерк.

— Я знаю, — сказал Максим.

В коридоре раздался новый удар.

Дверь палаты дрогнула в раме.

Максим посмотрел на Киру, затем на листок, затем на единственный доступный путь, ведущий к служебному коридору.

Вниз.

— Похоже, — тихо произнёс он, — сегодня мы проверим, сколько раз твоя версия будущего пыталась нас спасти.

Он взял Киру за руку.

Она сжала его пальцы в ответ.

И вместе они шагнули к двери, за которой больница уже перестала быть больницей.

Она стала очередным уровнем системы.

Максим не дал Кире времени оглянуться.

Он схватил её за руку, быстро, крепко, но не так, чтобы причинить боль, и повёл к узкой служебной двери за перегородкой, которую доктор Соколова указала дрожащим пальцем. Дверь почти сливалась со стеной: матовый серый пластик, тонкая металлическая ручка, ни таблички, ни номера. Только на уровне глаз темнел маленький круг считывателя.

Кира остановилась.

Круглый сканер ладони.

Такой же, как на фотографии, которую она видела только во вспышке чужого воспоминания.

Уровень 13. Вход только для носителей первого контура.

В голове вспыхнуло белое помещение. Запах перегретого металла. Голос девушки в сером платье:

Не открывай дверь, если она узнает тебя первой.

Кира резко отдернула руку.

— Я не могу.

— Можешь, — тихо сказал Максим.

За основной дверью палаты что-то тяжело ударило в раму. Металл жалобно скрипнул. Красная лампа под потолком снова мигнула, заливая лицо Максима тревожным светом.

— Не могу, — повторила Кира. — Эта дверь... я её знаю.

Максим посмотрел на сканер, затем на неё.

— Тогда не смотри на неё. Смотри на меня.

— Это твой универсальный совет?

— Пока работает.

— Самоуверенный.

— Напуганный, — поправил он.

Эта честность выбила из неё воздух. Кира встретила с ним глазами. За напряжением и холодной собранностью она увидела то, чего он не пытался скрыть достаточно хорошо: Максим боялся не за себя. Боялся, что она снова исчезнет, растворится за очередной белой дверью, оставив его стоять по другую сторону.

— Я не хочу возвращаться туда, — прошептала она.

— Мы не возвращаемся. Мы выходим.

Он достал из кармана тонкую пластиковую карту, приложил к считывателю. Тот мигнул красным.

Доступ запрещён.

Максим выругался вполголоса.

— Хорошая новость, — сказала Кира, пытаясь не смотреть на дверь. — Теперь мы хотя бы уверены, что это не обычный выход.

— У тебя удивительный талант находить хорошее в худшем из возможных моментов.

— Я лежала в коме девять месяцев. Дай мне хоть какую-то суперспособность.

Второй удар по входной двери оказался сильнее первого.
Максим перевёл взгляд на её ладонь.

— Кира.

Она сразу поняла.

— Нет.

— Возможно, система всё ещё принимает твой доступ.

— Я сказала нет.

— Я не заставляю тебя.

— Но очень хочешь попросить.

— Очень.

Ещё один удар. За дверью слышались приглушённые голоса. Кто-то отдавал команды.
Другой человек пытался отключить замок.

Кира смотрела на сканер.

Холодный круг казался почти живым.

Внутри неё поднимался ужас, тяжёлый и вязкий. Он шептал, что стоит приложить ладонь, и всё начнётся сначала. Белые стены. Вопросы. Голоса. Чужие руки. Приказ забыть.

Но затем она вспомнила мужчину со шрамом.

Его спокойную улыбку.

Его слова: «Вам просто нужно вспомнить правильную версию».

Ярость пришла следом за страхом.

Кира шагнула к двери и приложила ладонь к сканеру.

Металл оказался ледяным.

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом по краю круга пробежал тонкий голубой свет.

Система опознала её.

Дверь открылась внутрь.

Из-за неё пахло пылью, машинным маслом и сыростью. Узкий коридор уходил в темноту. На потолке тускло горели аварийные лампы. Вдоль стен тянулись трубы, кабели и толстые вентиляционные короба. Это была не больница, а её изнанка: место, где прятались провода, грязь и всё то, что не должны видеть пациенты.

— Проходи, — сказал Максим.

Кира не двинулась.

— Ты первый.

— Почему?

— Потому что если там что-то прыгнет на нас из темноты, я хочу увидеть, как ты героически с этим разберёшься.

Максим посмотрел на неё почти с упрёком.

— Ты хочешь, чтобы я был приманкой?

— Я хочу, чтобы ты подтвердил свою полезность.

— Романтика в наших отношениях просто зашкаливает.

— Мы бежим от людей, которые хотят стереть мне память. Не отвлекайся.

Но уголок его губ всё-таки дрогнул.

Он вошёл первым, затем обернулся и протянул ей руку. Кира взяла её. Дверь за их спинами закрылась с тихим тяжёлым щелчком.

На несколько мгновений стало почти тихо.

Слишком тихо.

Где-то в глубине коридора капала вода. Гул вентиляции проходил по трубам низкой вибрацией, будто здание медленно дышало. Под ногами хрустела строительная пыль. Кира шла

быстро, но слабость уже начинала подтачивать ноги. Девять месяцев неподвижности не исчезли только потому, что вокруг было опасно.

Максим заметил это раньше, чем она успела возмутиться.

— Медленнее.

— Нет.

— Ты едва стоишь.

— Я прекрасно стою.

Она тут же зацепилась носком больничного тапка за выступающий кабель.

Максим успел поймать её за талию прежде, чем она ударилась о стену.

Кира замерла, прижатая к нему на одно короткое мгновение. Его ладонь была тёплой через тонкую ткань больничной рубашки. В темноте коридора его лицо оказалось совсем близко: уставшее, напряжённое, с влажными прядями волос на лбу.

— Прекрасно, — тихо сказал он. — Просто очень убедительно.

— Я проверяла, ловишь ли ты меня.

— И как результат?

— Приемлемо.

— Приемлемо?

— Не зазнавайся.

Он отпустил её не сразу. Словно ему потребовалось усилие воли, чтобы убрать руку.

— Если станет плохо, скажешь.

— Не скажу.

— Кира.

— Ладно. Скажу. Но только если ты перестанешь смотреть на меня так, будто собираешься завернуть меня в одеяло и не выпускать до конца жизни.

— Я рассматриваю этот вариант.

— Вот видишь. Опасный человек.

— Ты ударила человека стойкой для капельницы.

— Он заслужил.

— Я не спорю.

Телефон Максима завибрировал. Он быстро посмотрел на экран и ответил, не останавливаясь.

— Артём.

— Вы уже в техническом секторе? — голос Артёма прерывался помехами. — Камеры на вашем этаже отключились, но я вижу резервные датчики движения. Справа от вас должен быть проход к прачечной. Не идите туда.

— Почему?

— Потому что туда идут четверо. И двое из них не числятся в штате больницы.

Кира услышала это и подняла брови.

— Прекрасно. Нас встречают.

— Слева есть лестница, — продолжил Артём. — Она ведёт на технический уровень под парковкой. Там можно выйти к служебному тоннелю.

Максим остановился перед развилкой.

Справа коридор был ярче. Вдали мерцала лампа, и оттуда доносился грохот колёс. Слева начиналась лестница, уходящая вниз, в густую темноту.

Кира посмотрела туда и почувствовала, как кровь отливает от лица.

Вниз.

На полу у первой ступени лежал сложенный лист бумаги.

Максим тоже его увидел.

— Не трогай, — сказал он.

— Это мой почерк.

— Именно поэтому не трогай.

На листке было написано одно слово:

БЕГИ.

Кира сделала шаг вперёд.

— Кто-то оставляет эти записки.

— Или кто-то хочет, чтобы мы в это поверили.

— Ты думаешь, я сама их подделываю?

— Нет. Я думаю, что нас ведут.

— Куда?

— Пока не знаю.

Позади них хлопнула металлическая дверь.

В техническом коридоре раздались шаги.

Не быстрые. Не хаотичные.

Ровные.

Уверенные.

Как шаги людей, которые точно знают, что добыче некуда бежать.

— Решение? — спросила Кира.

Максим посмотрел на лестницу, затем на неё.

— Нам придётся идти вниз.

— Я так и знала, что сегодня всё будет вращаться вокруг этажей, которых не существует.

— Держись ближе ко мне.

— Я и так ближе, чем мне хотелось бы.

— Ложь.

Она подняла на него глаза.

— Что?

— Ничего. Идём.

Они спустились на один пролёт.

Потом на второй.

Лампы над лестницей загорались не сразу, а с задержкой, будто реагировали на их присутствие. Сначала вспыхивала одна, затем другая, дальше третья. Позади оставалась темнота. Впереди она становилась ещё плотнее.

Кира держалась за холодные перила. В груди горело от недостатка воздуха, ноги дрожали, но она не просила остановиться. Каждый раз, когда Максим оборачивался, она видела в его взгляде вопрос.

И каждый раз отвечала коротким кивком.

На площадке между этажами они слышали голос.

— Кира.

Она остановилась.

Максим сразу перехватил её руку.

— Не отвечай.

Голос доносился снизу.

Женский.

Тихий.

Знакомый до боли.

— Кира, я ждала тебя.

Сердце Киры ударилось о рёбра.

Она знала этот голос.

Не понимала откуда, но знала.

Лера.

— Это она, — прошептала Кира.

— Может быть, — сказал Максим. — Но это не значит, что нужно идти на голос.

— Она знает меня.

— Система тоже знает тебя.

— Ты не понимаешь.

— Я понимаю ровно одно: они хотят, чтобы ты пошла туда, куда тебе страшно идти.

Из темноты донёлся тихий смех.

— Он всё ещё говорит так, будто может тебя защитить, — произнёс голос. — Спроси его, почему он не рассказал тебе о комнате под лестницей.

Кира медленно повернулась к Максиму.

Он не отвёл взгляда.

Но челюсть у него напряглась.

— О какой комнате она говорит?

— Не сейчас.

Кира горько усмехнулась.

— Твоя любимая фраза.

— Потому что здесь небезопасно.

— А когда будет безопасно, Максим? Когда я вспомню всё сама? Когда опять найду записку, где сказано не верить тебе?

Шаги наверху стали громче.

У них оставались секунды.

Максим приблизился к ней.

— Я расскажу. Всё, что знаю. Но сначала мы выберемся.

— Ты обещаешь?

— Клянусь.

Кира смотрела в его глаза, пытаясь найти там ложь.

Она не нашла уверенности.

Но нашла страх.

И почему-то именно это заставило её кивнуть.

Максим быстро повёл её дальше вниз.

В этот момент сверху раздался голос мужчины со шрамом:

— Не спешите. Технический уровень закрыт.

Максим остановился.

Кира сжала его руку.

Из глубины лестницы снова прошептала Лера:

— Не верь ему.

А впереди, на следующей площадке, медленно загорелась лампа.

Под ней стояла девушка в сером платье.

Её тёмные волосы были мокрыми, словно она только что вышла под дождь. Лица почти не было видно. В одной руке она держала серебристый браслет со звездой.

Точно такой же, как тот, что лежал у Киры на тумбе.

Девушка подняла голову.

И Кира увидела собственные глаза.

— Ты опоздала, — сказала девушка её голосом.

Лампа погасла.

Максим вытащил Киру на следующий пролёт прежде, чем тьма успела сомкнуться вокруг них.

А снизу, из темноты технического уровня, раздался звук, похожий на открывающийся замок.

Глава 6. Девочка, которой не было

Память не возвращалась.

Она вскрывалась.

Сначала Кира почувствовала запах старой квартиры: дешёвого мыла, мокрой шерсти, жареного лука и пыли, которая зимой скапливалась у батарей. Потом услышала тонкий стук труб за стеной, скрип половиц в коридоре и голос Ольги, доносящийся из кухни.

— Не сиди на полу, простынешь.

Кира открыла глаза.

Ей было семь.

Она сидела у батареи, завернувшись в колючий серый плед. За окном висел декабрьский вечер. Снег падал крупными хлопьями, но во дворе он быстро становился серым от машин, грязи и дыма. Их дом стоял на окраине города, среди одинаковых пятиэтажек с облупившимися подъездами, ржавыми качелями и тёмными окнами.

В той жизни всё казалось простым.

Ольга работала слишком много, чтобы устать красиво. Утром уходила в прачечную при гостинице, вечером брала уборки в офисах, а ночью иногда сидела на кухне у выключенного света и смотрела в окно. Денег постоянно не хватало: на зимние сапоги, лекарства, квартплату, новые учебники. Но Ольга всегда находила способ поставить на стол горячий суп, заштопать Кире порванный рукав и поцеловать её в лоб перед сном.

Кира помнила это.

Или думала, что помнила.

Ольга сидела за кухонным столом и штопала школьную форму. Свет от маленькой лампы падал на её руки. Пальцы были сухими, покрасневшими от порошков и воды. На столе лежали нитки, иголки, чашка с остывшим чаем и стопка неоплаченных квитанций.

— Мам, — спросила маленькая Кира, — почему у нас всегда так холодно?

Ольга подняла голову и улыбнулась.

— Потому что батареи ленивые.

— А их нельзя заставить работать?

— Можно. Но они, как взрослые мужчины, делают вид, что не слышат, пока не пригрозишь им чем-нибудь тяжёлым.

Маленькая Кира серьёзно кивнула.

— Тогда я ударю их сковородкой.

Ольга тихо рассмеялась.

Этот смех был настолько тёплым и настоящим, что взрослая Кира, наблюдавшая за сценой словно из темноты, почувствовала боль в груди.

Потом она заметила камеру.

Крошечный чёрный круг в верхнем углу кухни, почти скрытый тенью над дверью. Ребёнок не мог его увидеть. В памяти Киры его не было. Но теперь он существовал отчётливо: матовая линза, тонкий провод, уходящий в стену, и едва заметный красный огонёк, вспыхнувший ровно в тот момент, когда Ольга наклонилась к дочери.

Ольга тоже его увидела.

На долю секунды её улыбка исчезла.

Она подняла взгляд к потолку, затем быстро опустила его. Словно знала, что камера здесь. Словно давно привыкла жить так, будто за каждым движением следят.

В дверь позвонили.

Один короткий звонок.

Потом второй.

Ольга вздрогнула.

— Папа, — обрадованно сказала маленькая Кира и вскочила с пола.

Взрослая Кира хотела остановить её.

Хотела крикнуть: не беги. Не называй его так. Он не твой отец.

Но воспоминание не подчинялось ей.

Денис вошёл в квартиру, стряхивая с плеч мокрый снег. Он пах холодом, табаком и машинным маслом. В детстве этот запах означал безопасность. Означал, что он вернулся домой. Что можно забраться к нему на руки, услышать привычное «мой воробей», почувствовать, как сильные ладони подхватывают тебя так легко, будто ничего в мире не может причинить вред.

— Папа!

Маленькая Кира бросилась к нему.

Денис улыбнулся. Присел, раскрыл руки и обнял её.

— Я здесь, воробей.

Взрослая Кира смотрела на него и пыталась удержаться за эту улыбку.

Она помнила её.

Помнила, как он учил её завязывать шнурки. Как приносил дешёвые шоколадные батончики после работы. Как садился рядом, когда она боялась темноты. Как говорил, что никто не имеет права решать за неё, кем ей быть.

Но теперь память не отпускала детали. На внутренней стороне его запястья, под рукавом старой рабочей куртки, виднелся тонкий след ожога.

Незамкнутый круг.

Кира увидела белую пластиковую карту, мелькнувшую во внутреннем кармане его куртки. Увидела, как Денис поцеловал её в висок, а потом перевёл взгляд на Ольгу.

Не тёплый.

Не домашний.

Рабочий.

Короткий взгляд человека, который сообщает: объект на месте. Состояние стабильно. Контакт сохранён.

Воспоминание треснуло.

Следующий вечер был почти таким же.

Кире восемь. Она сидит в комнате и рисует дом у моря. Ольга стирает на кухне. Денис говорит, что ему нужно забрать инструменты из машины.

Он выходит в подъезд.

Взрослая Кира следует за ним, хотя знает: это невозможно.

В подъезде пахнет сыростью, старой краской и кошачьей мочой. На лестничной площадке мигает тусклая лампа. Денис не спускается вниз. Он достаёт телефон, открывает экран и говорит едва слышно:

— К-17 без изменений. Ночные эпизоды повторяются. Она снова спрашивала о женщине в сером.

Пауза.

— Нет, Ольга ничего не подозревает. Думает, что это тревожность после школы.

Ещё пауза.

Денис смотрит на закрытую дверь квартиры.

— Привязанность высокая. Особенно ко мне. Да, я понимаю. Это облегчает дальнейшую коррекцию.

Взрослая Кира застыла.

Ей хотелось броситься на него, вырвать телефон, заставить его замолчать. Но она была только памятью внутри памяти.

Денис медленно произнёс:

— Рекомендую перевод в Льяную школу. Там будет проще проводить наблюдение.

Он закончил разговор, спрятал телефон и несколько секунд стоял неподвижно.

Потом в его лице мелькнуло что-то похожее на сожаление. Настолько слабое, что его можно было принять за усталость. Но он всё равно вернулся в квартиру. Вернулся к девочке, которая считала его отцом.

Льяная школа появилась в жизни Киры через месяц.

Ольга плакала от счастья, когда им принесли документы.

— Ты понимаешь, что это значит? — говорила она, прижимая бумагу к груди. — Частная школа. Бесплатная программа. Углублённые предметы, подготовка к университету. Они заметили тебя, Кир. Тебе дают шанс.

На рекламном буклете было изображено серое трёхэтажное здание с высокими окнами, закрытым двором и белой эмблемой на воротнике формы. Официально учреждение называлось образовательным центром имени Лья. В районе его называли просто Льяной школой.

Кира тоже радовалась.

Ей казалось, что это начало другой жизни. В школе были чистые классы, новая библиотека, компьютеры, секции, преподаватели, которые говорили с ней так, словно она особенная. Ей дали форму цвета мокрого асфальта и отдельный шкафчик. На первом уроке литературы учительница сказала, что талант всегда требует дисциплины.

Тогда Кира решила, что это звучит красиво.

Она не знала, что школа была не школой.

Обычные уроки действительно существовали: математика, языки, история, литература. Кира училась хорошо. Ей нравилось читать, спорить с преподавателями, решать задачи быстрее всех в классе. Она мечтала поступить в университет и однажды уехать из тесной квартиры, из маленького района, из мира, где родители считают каждую монету.

Но после занятий некоторых детей просили остаться.

Никто не называл это наказанием.

— Индивидуальная программа, — улыбалась куратор в сером костюме. — У тебя редкие способности, Кира. Мы поможем тебе научиться ими управлять.

Кабинет находился в дальнем крыле второго этажа. Без окон. Без таблички. С белыми стенами и часами без стрелок. На столе лежали карточки: лица, лестницы, закрытые двери, пожары, пустые комнаты, ребёнок в белом одеяле.

Женщина в сером костюме задавала вопросы мягко, почти ласково.

— Чего ты боишься?

— Темноты.

— Почему?

— Потому что там может быть кто-то.

— А если он знает твоё имя?

Кира молчала.

Женщина делала отметку в планшете.

— Хорошо. Запомним.

— Зачем?

— Чтобы помочь тебе.

После таких занятий у Киры болела голова. Иногда она не помнила, как дошла домой. Иногда просыпалась среди ночи от ощущения, что кто-то стоит в углу комнаты. Ольга прибегала к ней, обнимала и говорила всегда одинаково:

— Это просто сон. Ты в безопасности.

Одни и те же слова.

Одни и те же паузы.

Одинаковая интонация.

Взрослая Кира увидела то, чего раньше не замечала: перед тем как произнести эту фразу, Ольга каждый раз смотрела в сторону двери. Словно слушала, не стоит ли кто-то в коридоре.

И каждый раз Денис оказывался там.

Он стоял в тени, опираясь плечом о дверной косяк.

Иногда с чашкой чая.

Иногда с усталой улыбкой.

Иногда с телефоном в руке.

Он всегда спрашивал:

— Опять тот же сон, воробей?

И Кира кивала.

А утром он отправлял отчёт.

К-17. Повторяющийся образ: неизвестная женщина, закрытая дверь, лестница. Реакция на голос матери: стабилизация. Рекомендую усилить контраст безопасной среды и контролируемой тревоги.

Каждый кошмар превращался для него в данные.

Каждая слеза — в строку в чужом файле.

Каждое объятие — в показатель привязанности.

Кира почувствовала, как её тошнит.

Память перескочила.

Ей двенадцать.

Школьный туалет. Холодная вода. Треснувшее зеркало. На тонком запястье серебристый браслет со звездой.

Она не помнила, откуда он взялся.

Утром браслет лежал в шкафчике. Без записки, без коробки, без имени. Когда она попыталась снять его, застёжка не поддавалась. Металл был холодным, но через несколько минут начал нагреваться, словно у него был собственный пульс.

Учительница увидела браслет на уроке и побледнела.

— Сними его, — сказала она.

— Не снимается.

— Кира, сними.

— Я не могу.

Учительница схватила её за запястье слишком резко. Под тонкой кожей у женщины дрожали пальцы.

— Где ты это взяла?

— Я не знаю.

В туалет вошла куратор в сером костюме.

— Всё хорошо, — сказала она. — Кира просто устала. Я отведу её к медсестре.

Но медсестры в тот день не было.

Была белая комната под школьной лестницей.

Кира не помнила, как оказалась там.

Не помнила, сколько времени просидела в кресле с ремнями на запястьях.

Не помнила, почему экран напротив показывал её лицо в нескольких вариантах: плачущую, спокойную, злую, пустую.

Она помнила только голос за стеклом.

— Субъект реагирует на маркировку.

Другой голос спросил:

— Куратор подтверждает сохранность легенды?

И Денис ответил:

— Подтверждаю. Для неё я отец.

Взрослая Кира замерла.

В детстве она не видела его за стеклом. Или не помнила, что видела.

Теперь он стоял там отчётливо.

В светлой рубашке. Без куртки, без запаха табака и машины. На груди висел белый пропуск с чёрным незамкнутым кругом. Его лицо было спокойным, профессиональным, почти чужим.

Женщина в сером спросила:

— Сохраняется эмоциональная привязанность?

— Да.

— Она доверяет вам?

Денис посмотрел на Киру, пристёгнутую к креслу.

— Полностью.

— Тогда используем вас как стабилизирующий фактор.

Он кивнул.

Кира в кресле начала плакать.

Денис вошёл в комнату, присел перед ней и взял её ладони в свои.

— Тише, воробей. Это просто игра.

Она прижалась к нему, дрожа всем телом.

— Я хочу домой.

— Скоро пойдём домой.

Он говорил так нежно, что от этого становилось страшнее.

Потому что на секунду взрослой Кире показалось: он действительно хотел ей помочь.

А потом она увидела, как его взгляд скользнул к зеркалу за её спиной.

Денис знал, что за стеклом наблюдают.

И продолжал играть роль.

Память снова треснула.

Кире восемнадцать.

Она сидит на кухне, готовится к экзаменам и листает буклет университета. На фотографиях — высокие окна, библиотека, старые лестницы, студенты с кофе в руках, обещание стипендии и нового будущего.

Ей кажется, что университет спасёт её.

Она хочет вырваться из бедности. Хочет учиться. Хочет перестать быть странной девочкой, которую учителя слишком часто вызывают после уроков. Хочет жить без ночных кошмаров, без пристальных взглядов матери, без отцовской привычки внезапно спрашивать, что ей снилось.

— Не подавай документы туда, — говорит Денис.

Кира удивлённо поднимает голову.

— Почему?

— Просто не надо.

— Там стипендия. Я смогу жить в общежитии. Я смогу помочь маме.

— Я найду деньги на другой университет.

— Чем? Ты работаешь без выходных.

Денис резко кладёт буклет на стол.

— Кира, послушай меня. Если кто-то обещает новую жизнь слишком легко, значит, он хочет забрать старую.

Слова кажутся ей странными.
Слишком взрослыми.
Слишком мрачными.
Но в тот момент она видит в них заботу.
Теперь она понимает другое.
Это была проверка.

Заранее подготовленная фраза, встроенная в её память как триггер. Денис произнёс её не потому, что хотел защитить. Он хотел увидеть, как она отреагирует на приглашение системы. Испугается ли. Заподозрит ли. Откажется ли.

Он проверял, насколько далеко зашла её самостоятельность.
И Кира ответила:
— Я всё равно поступлю.
На лице Дениса мелькнуло раздражение.
Всего на мгновение.
Потом он снова улыбнулся.
— Тогда я буду рядом.
Взрослая Кира почувствовала, как холод разлился по спине.
Он не пытался остановить её.
Он сопровождал её обратно туда, куда система вела её с рождения.

Следующее воспоминание было почти стёртым.

Ночь. Кира просыпается от шёпота на кухне. Она босиком выходит в коридор, прячется за стеной и слышит голоса родителей.

— Нина звонила, — говорит Денис.
Ольга резко отвечает:
— Не произноси её имя здесь.
— Она сказала, что первый контур снова активен.
— Нина мертва.
— Тогда кто звонил?

Тишина.

Кира выглядывает в щель между дверью и стеной.

На кухонном столе лежит старая фотография: молодая Ольга, женщина с короткими светлыми волосами и младенец в белом одеяле. На тонком запястье ребёнка серебристый браслет со звездой.

Ольга смотрит на фотографию так, словно держит в руках собственное преступление.

— Нина передала её мне, — говорит она. — Она сказала, что нужно дать Кире шанс прожить обычную жизнь.

Денис усмехается.

Не тепло. Не устало.

Холодно.

— Нина всегда слишком верила в обычную жизнь.

Ольга поднимает на него взгляд.

— Ты обещал помочь.

— Я помогал.

— Ты обещал защитить её.

— Я защищал проект от хаоса.

Ольга медленно встаёт.

— Ты лгал мне всё это время.

— Я не лгал. Ты просто слышала только то, что хотела слышать.

— Ты не её отец.

— Разумеется, нет.

Кира в коридоре перестаёт дышать.

Ольга подходит к Денису так близко, что между ними остаётся несколько сантиметров.

— Тогда зачем ты остался?

Он смотрит на неё спокойно.

— Потому что ты была идеальной легендой. Женщина без денег. Ребёнок без официального прошлого. Удобная семья на окраине города. Никто не задаёт вопросов, если такая девочка получает бесплатное место в хорошей школе.

— Ты чудовище.

— Нет, Оля. Я наблюдатель.

— Она любила тебя.

На этот раз Денис молчит дольше.

Потом тихо говорит:

— Я знаю.

В этих словах не было раскаяния.

Только факт.

Кира в коридоре делает шаг назад. Доска под ногой тихо скрипит.

Ольга и Денис оборачиваются одновременно.

Но вместо того чтобы увидеть испуганную девочку, взрослая Кира вдруг видит себя.

Стоящую в темноте.

С бледным лицом.

С глазами, полными ненависти.

Денис смотрит прямо на неё.

Не на ребёнка.

На взрослую Киру внутри памяти.

— Ты всегда возвращаешься к этому моменту, — говорит он.

Вокруг него начинает исчезать кухня. Стены становятся белыми. Стол превращается в металлическую поверхность. Ольга растворяется в тени.

— Но ты никогда не забываешь главное.

— Что главное? — шепчет Кира.

Денис улыбается.

— Тебя не нашли после рождения.

Он наклоняет голову.

— Тебя передали.

Мир вокруг неё рушится.

Кира видит дождливую ночь.

Молодая Ольга сидит на кухне в старой квартире. В дверь стучат три раза. На пороге стоит Нина: мокрая, измученная, с ребёнком на руках.

Младенец завернут в белое одеяло.

Кира.

Нина кладёт ребёнка на стол. На запястье младенца — тонкая красная отметина в форме незамкнутого круга.

— Она уже в системе, — шепчет Нина. — Они внесли её в первый контур до регистрации рождения. В документах она не ребёнок. Она носитель.

Ольга прижимает ладонь ко рту.

— Почему ты принесла её ко мне?

— Потому что она доверяет тебе.

— Она младенец.

— Нет, — отвечает Нина, глядя на голубые глаза ребёнка. — Она помнит больше, чем должна.

В дверях появляется молодой Денис.

Не испуганный.

Не растерянный.

Он выглядит так, будто ждал их.

На нём тёмное пальто. В руке телефон. На груди под тканью блестит незамкнутый круг.

Ольга медленно оборачивается.

— Ты сказал, что Нина может доверять тебе.

— Она может, — отвечает Денис. — До тех пор, пока делает то, что требуется.

Нина смотрит на него с ненавистью.

— Ты привёл их сюда.

— Я привёл помощь.

За окном, по ту сторону дождя, появляется чёрный автомобиль.

Ольга хватает ребёнка и прижимает к груди.

Нина делает шаг к Денису.

— Если они получат её, они научатся переписывать всех.

— Поэтому она и нужна им, — спокойно отвечает он.

Нина вытаскивает из кармана маленький пистолет.

Взрослая Кира слышит выстрел.

Но не видит, в кого он попал.

Свет гаснет.

Последнее, что остаётся в памяти, — голос Нины, быстрый и отчаянный:

— Если увидишь себя в зеркале и не узнаешь, какая из вас настоящая, не выбирай ту, что просит молчать.

Кира вернулась в настоящее резко.

Она стояла на технической лестнице больницы. Под ногами был холодный металл, рядом пахло пылью, ржавчиной и мокрым бетоном. Максим держал её за плечи, а где-то наверху становились громче шаги преследователей.

— Кира. Смотри на меня.

Она подняла глаза.

Лицо Максима было напряжённым, но он не отпускал её.

— Ты здесь, — сказал он. — Ты со мной.

Кира тяжело дышала. В груди горел воздух. В горле стояла горечь.

— Денис ...

Максим замер.

— Я знаю.

— Он доносил на меня. С самого детства. Он отправил меня в Лыняную школу. Он знал про университет. Он... он сидел рядом, когда я плакала, и превращал это в отчёты.

Максим закрыл глаза на короткую секунду.

— Мне жаль.

— Не говори, что тебе жаль.

— Хорошо.

— Я любила его.

Голос Киры сорвался.

Она отвернулась, но Максим осторожно притянул её к себе. Не резко. Не требуя. Просто обнял, удерживая, пока её тело дрожало от воспоминаний, которые больше нельзя было вернуть обратно в темноту.

— Ты была ребёнком, — тихо сказал он. — Ты не виновата, что доверяла человеку, которого тебе дали как отца.

Кира вцепилась пальцами в его рубашку.

— А мать знала.

— Она знала не всё.

— Но достаточно, чтобы молчать.

— Да.

Эта честность была больше утешения.

Кира медленно отстранилась.

Внизу, на техническом уровне, щёлкнул замок.

Из темноты донёсся детский плач.

Потом голос Дениса, старше, тише и до невозможности знакомый, произнёс:

— Воробей. Я так и знал, что ты вернёшься.

Максим шагнул перед Кирой, заслоняя её собой.

Но она уже смотрела вниз.

Туда, где прошлое снова ждало её в темноте. И теперь Кира знала: Денис не просто предал её однажды. Он строил её клетку с самого детства...

Глава 7. Цена выхода

Штаб Марины Воронцовой никогда не был тихим местом.

Даже когда в комнатах никого не было, старое здание на набережной жило собственной жизнью. В трубах тяжело двигалась вода, где-то под потолком гудела вентиляция, лифт в дальнем крыле поднимался и опускался с тоскливым металлическим стоном. За плотно закрытыми шторами дождь бил по окнам ровно и зло, словно пытался попасть внутрь.

Но сейчас тишина в комнате совещаний была другой.

Она не принадлежала зданию.

Она возникла после того, как экран ноутбука Артёма погас.

На мониторе ещё несколько секунд оставался чёрный прямоугольник, где только что была больничная палата Киры. Белая кровать. Разбросанные цветы. Тень в зеркале за её спиной.

Девушка в сером платье.

Невозможная фигура, которой не было в самой палате.

А затем голос из динамиков:

- Первый контур активирован.

Теперь никто не смотрел на экран.

Виктория стояла у стола, уперевшись ладонями в его гладкую тёмную поверхность. Её мокрые волосы прилипли к вискам и шее, пальто она так и не сняла. На полу под ней медленно собирались капли дождевой воды. Обычно Вика умела держать лицо. Умела отвечать ровно, отстранённо, с той ледяной вежливостью, после которой люди сами начинали сомневаться в собственных словах.

Сейчас в её глазах была только ярость.

Артём сидел у ноутбука, снова и снова прокручивая повреждённый видеофрагмент. Он увеличивал отражение в зеркале, менял контраст, разбирал изображение на слои, запускал восстановление кадров. На экране фигура то становилась просто пятном света, то обретала очертания девушки с тёмными волосами, то исчезала совсем.

Лев молчал.

Это было настолько непривычно, что Ольга время от времени бросала на него быстрые тревожные взгляды. Он сидел в кресле у карты больницы, крепко сжав пальцы на подлокотниках. Улыбки не было. Иронии не было. Даже привычной колкой фразы, которая обычно появлялась раньше, чем он позволял страху стать заметным.

Алексей стоял у окна, отвернувшись от остальных. Его силуэт отражался в стекле, пережёбнутый дождевыми полосами. Он держал в руках старую фотографию, найденную Мариной: Ольга в роддоме, усталая, испуганная, с новорождённой Кирой на руках. На обороте снимка, выцветшими чернилами, было написано:

-Передать Ольге. Контакт с системой исключить. Н.

Андрей стоял у двери.

Он пришёл несколько минут назад, промокший, бледный и непривычно молчаливый. В руках он сжимал телефон, на экране которого мигала точка последнего сигнала Максима. Точка двигалась вниз, под больницу, туда, где на официальных планах не существовало ни лестниц, ни технических уровней.

Только Марина выглядела спокойной.

Она сидела во главе стола, сложив руки перед собой. Её тёмная рубашка была безупречно застёгнута, волосы собраны в низкий узел, выражение лица оставалось ровным. Но рядом с её

ладонью лежала тонкая папка без названия, и никто не сомневался: в ней находилось то, что она ещё не решила им показать.

Первой не выдержала Виктория.

— Объясни, что это было.

Марина не подняла головы.

— Если бы я могла объяснить это наверняка, я бы уже объяснила.

— Не надо играть словами.

Вика выпрямилась. Голос дрожал, но не от слабости. Он становился громче с каждым словом.

— Мы увидели в палате девушку, которой там не было. Камера видела её только в отражении. Потом кто-то назвал это первым контуром. И ты сидишь так, будто услышала прогноз погоды.

— Я сижу так, потому что паника никого не спасает.

— Паника? — Вика коротко и зло рассмеялась. — Ты называешь это паникой?

Марина наконец посмотрела на неё.

— Я называю это ситуацией, в которой нельзя действовать вслепую.

— А Кира сейчас действует вслепую в технических коридорах больницы. После девяти месяцев комы. Без памяти. С Максимом, которого она не помнит до конца. За ними охотятся люди системы. И ты предлагаешь нам сидеть здесь и анализировать изображение?

— Я предлагаю не вести всех прямо в ловушку.

— Она не ловушка, — резко сказала Виктория. — Она моя сестра.

В комнате стало тихо.

Даже Артём перестал печатать.

Вика сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони.

— Да, я знаю, что по документам у нас разные матери. Знаю, что моя семья многое скрывала. Знаю, что в моей фамилии слишком много грязи. Но Кира — единственное, что у меня осталось от матери не в виде документов, подписей и лжи. Единственное живое доказательство, что я могу исправить хотя бы часть того, что моя семья позволила сделать.

Она сделала шаг к Марине.

— И я не оставлю её там.

Марина выдержала её взгляд.

— Твоё чувство вины не является планом операции.

Виктория побледнела.

— А твоё хладнокровие не делает тебя правой.

— Нет, — тихо ответила Марина. — Оно просто не позволяет мне забыть, что из-за одного неверного движения мы можем потерять всех.

Лев медленно развернул кресло к столу.

— Прости, Марина, но сейчас ты звучишь как человек, который забыл, ради чего вообще собирал нас здесь.

Она повернулась к нему.

— Я ничего не забыла.

— Тогда напомним. Ты сама пришла к нам. Ты предложила работу, доступ к архивам, деньги, безопасные квартиры, оборудование, связи. Сказала, что хочешь разрушить остатки системы не из ненависти, а потому что никто больше не должен жить в чужой клетке.

Он кивнул на экран, где всё ещё застыла карта больницы.

— А теперь Кира там, в этой клетке. И ты предлагаешь оставить её, потому что риск слишком высокий?

— Я сказала, что ещё рано идти туда всем составом.

— Очень удобно сформулировано, — сказал Лев. — Только человеку, которого преследуют, всё равно, как именно мы назовём своё бездействие.

Ольга стояла рядом с ним, бледная и неподвижная. Она всё ещё держала фотографию из роддома. Бумага в её руках была уже смята по краям.

— Нина отдала мне Киру в роддоме, — сказала она тихо.

Никто не перебил.

— Она пришла туда ночью. У неё была кровь на рукаве, чужие документы и ребёнок, которого она не могла оставить у себя. Она сказала, что система уже знает о Кире, но ещё не успела забрать её полностью. Сказала, что я должна сделать одно: не дать им превратить мою девочку в номер.

Ольга подняла глаза на Марину.

— Андрей и Алексей помогли мне исчезнуть. Мы меняли адреса. Жили у знакомых. Прятали документы. Делали всё, чтобы Кира росла обычным ребёнком хотя бы несколько лет.

Её голос дрогнул.

— А потом Денис появился в нашей жизни. И я не поняла, что он уже был внутри. Я не увидела. Не защитила её.

— Оля, — негромко сказал Андрей.

Она покачала головой.

— Нет. Хватит говорить, что я не виновата. Я была рядом. Я видела, что ей плохо после школы. Видела, как она просыпается от кошмаров. Видела, как Денис каждый раз задаёт слишком правильные вопросы. И я молчала, потому что боялась.

Ольга перевела взгляд на Алексея.

— Она твоя дочь. Сделай хоть что-нибудь.

Алексей не повернулся сразу.

За окном по стеклу скатилась крупная капля, размывая его отражение. Он стоял, опустив голову, и в этот момент казался старше, чем обычно. Не уставшим. Раздавленным грузом, который он носил слишком долго.

— Я сделал многое, — сказал он наконец. — И большую часть этого слишком поздно.

— Тогда сделай то, что не поздно сейчас, — ответила Ольга.

Алексей медленно повернулся.

В его руках всё ещё была фотография. Он смотрел на маленькую Киру, которую держала Ольга, а затем бережно положил снимок на стол.

— Хорошо.

Марина нахмурилась.

— Алексей.

— Нет. Теперь ты слушаешь меня.

В его голосе не было крика. Но он прозвучал так твёрдо, что даже Артём перестал двигать курсор.

— Кира не останется в этой стране. Не останется в больнице. Не вернётся в университет. И не будет ждать, пока система решит, какую версию её жизни оставить ей на этот раз.

Марина медленно выпрямилась.

— Ты предлагаешь бежать.

— Я предлагаю исчезнуть.

Алексей подошёл к столу и разложил перед ними несколько листов. Это были копии документов, банковские выписки, фотографии, билеты, схемы маршрутов. Некоторые бумаги выглядели новыми. Другие были состарены искусственно, со следами сгибов, печатями и подписями.

— За последний год я подготовил резервный маршрут, — сказал он. — На случай, если система снова доберётся до Киры. Две новые личности. Не фальшивые легенды на одну

неделю, а документы, которые можно подтвердить через несколько независимых контуров. Учёба, аренда, медицинские записи, рабочие контракты, история платежей.

Артём медленно поднял брови.

— Ты подготовил личности заранее?

— Я не верил, что они оставят её в покое.

— Для кого? — спросила Виктория.

Алексей посмотрел на неё.

— Для Киры и Максима.

В комнате повисла новая тишина.

Ольга закрыла глаза.

Андрей медленно выдохнул.

Лев первым нарушил молчание:

— Ты решил отправить их вместе в другую страну, сменить им документы и сделать вид, что они исчезли?

— Не «сделать вид», — ответил Алексей. — Создать для системы версию, в которой они погибли при несчастном случае и больше не представляют интереса. Без тел. Без официальной точки, за которую можно зацепиться. Только достоверный след, который заставит их остановить поиск.

— Это не остановит их, — сказала Марина.

— Остановит хотя бы часть контуров. Система живёт архивами, отчётами и подтверждёнными статусами. Если для внешнего слоя Кира и Максим перестанут существовать, мы выиграем время.

— Время для чего? — спросила Марина.

— Чтобы Кира получила право жить.

Эти слова прозвучали так просто, что Ольга закрыла лицо ладонью.

Марина встала.

Стул сдвинулся по полу с резким звуком.

— Вы не понимаете, что предлагаете.

— Тогда объясни, — резко сказала Виктория. — Потому что ты явно понимаешь больше нас.

Лицо Марины впервые изменилось.

Её спокойствие дало трещину.

— Если мы выведем Киру сейчас, система переключится на тех, кого она оставит за собой. На Ольгу. На тебя, Виктория. На Андрея. На всех, кто хоть раз попал в её память. Вы думаете, они хотят только Киру? Нет. Им нужен доступ к первому контуру. А первый контур связан не с одной девушкой. Он связан с людьми, которые помогли ей выжить.

Марина ударила ладонью по папке без названия.

— Мы годами строили сеть, чтобы вытаскивать людей из их базы, возвращать им имена, ломать цепочки финансирования, находить архивы. Если мы спровоцируем их сейчас, они сожгут всё. Все адреса. Все контакты. Все дела. И вместе с этим исчезнут люди, которых мы ещё можем спасти.

— А если мы ничего не сделаем, — сказал Лев, — то исчезнет Кира.

— Я не говорю ничего не делать.

— Ты сказала, что её надо оставить там.

— На время.

Виктория шагнула вперёд.

— Оставить её в логове дракона, пока ты оцениваешь риски? После того, что она пережила? После девяти месяцев комы? После того, как она увидела собственного двойника в зеркале?

— Не смей упрощать то, чего не понимаешь.

Голос Марины стал громче.

Она больше не выглядела бесстрастной женщиной за столом. В её глазах вспыхнула злость, старая и глубоко спрятанная.

— Ты думаешь, мне легко? Думаешь, я не знаю, что это значит, когда ребёнка превращают в проект? Я знаю. И именно поэтому я не позволю всем вам броситься в тоннель, который они подготовили для нас заранее.

— Тогда скажи, что ты знаешь о девушке в сером, — потребовал Артём.

Марина замолчала.

— Вот, — горько усмехнулся Артём. — Именно это мы и обсуждаем. Ты знаешь больше, чем говоришь.

Марина посмотрела на чёрный экран ноутбука.

— Девушка в сером может быть Лерой.

Ольга резко подняла голову.

— Может быть?

— Лера исчезла в университете. По официальным данным она погибла до пожара. Но в резервном архиве проекта «Эхо» есть запись о носителе с её биометрическими параметрами.

— Она жива? — спросила Виктория.

— Я не знаю.

— Ты снова это говоришь, — заметил Лев. — В твоём словаре «я не знаю» обычно означает «я знаю достаточно, чтобы вам стало страшно».

Марина сжала губы.

— Я знаю, что проект «Эхо» не ограничивался памятью. Он создавал поведенческие отражения. Фрагменты личности, которые можно было запускать через изображение, звук, знакомую фразу, даже через отражение в стекле. Не живой человек. Не призрак. Но достаточно убедительная реконструкция, чтобы сломать того, кто смотрит.

Артём медленно откинулся на спинку стула.

— То есть кто-то использует образ Леры, чтобы управлять Киной.

— Или Лера использует систему, чтобы добраться до Киры, — тихо сказала Ольга.

Марина посмотрела на неё.

— Это тоже возможно.

Андрей наконец оттолкнулся от двери и подошёл к карте.

— Хватит строить версии, пока Максим и Кира под землёй.

Он говорил низко, но твёрдо.

— У нас есть две задачи. Первая: вывести их из больницы. Вторая: не дать системе понять, что мы знаем об их маршруте.

— Верно, — сказал Алексей.

Он развернул карту тоннелей.

— Артём, ты находишь безопасный канал к телефону Максима. Не через больничную сеть. Через старый служебный узел на набережной или через локальный ретранслятор. Он должен получить только инструкции по выходу. Никаких деталей о документах, новой личности и запасном маршруте.

Артём нахмурился.

— Почему не сказать ему всё?

— Потому что его могут слушать. Потому что Максим может оказаться под давлением. Потому что чем меньше людей знают полный план до момента выхода, тем меньше шанс, что система вытащит его из кого-то из нас.

— Мне не нравится скрывать это от него, — сказала Ольга.

— Мне тоже, — ответил Алексей. — Но я не собираюсь использовать Максима как уязвимую точку для утечки.

Виктория посмотрела на документы.

— А Кира? Она тоже ничего не будет знать?

Алексей замер на секунду.

— Она узнает, когда окажется в безопасности.

— Нет, — тихо сказала Вика.

Он повернулся к ней.

— Вика.

— Нет. Мы не будем снова решать за неё. Не будем говорить: «потерпи, мы знаем лучше», а потом называть это защитой. Если это её жизнь, решение должно быть её.

— Она сейчас едва понимает, где находится.

— Именно поэтому ей особенно нельзя лгать.

Ольга медленно кивнула.

— Вика права.

Алексей закрыл глаза.

На мгновение он выглядел не как человек, привыкший руководить операциями, а как отец, который слишком поздно понял цену каждой недоговорённости.

— Хорошо, — сказал он. — Если они выйдут, Кира узнает всё сразу. Но только после того, как мы убедимся, что канал чист.

Лев наклонился к карте.

— Итак, у нас есть маршрут, новые документы, идея сделать из их исчезновения убедительную легенду и полностью разрознённая система. Что именно делаем прямо сейчас?

Марина глубоко вдохнула.

Её взгляд остановился на фотографии из роддома.

— Я дам вам доступ к северному тоннелю.

Алексей недоверчиво посмотрел на неё.

— Ты уверена?

— Нет. Но я уверена в одном: если Кира доберётся до комнаты под лестницей, она может вспомнить то, что система пыталась скрыть с её рождения.

— Что именно? — спросила Виктория.

Марина не ответила.

Вместо этого она открыла папку без названия.

Внутри лежала одна фотография.

Молодая Нина стояла в коридоре роддома. На руках у неё была новорождённая Кира. За её спиной находились Ольга, Андрей и Алексей. Все трое выглядели испуганными. На снимке не было Дениса.

Но в дальнем конце коридора, почти полностью скрытый отражением в стекле, стоял мужчина в тёмном пальто.

Его лицо было размыто.

На запястье виднелся знак незамкнутого круга.

Под фотографией стояла дата.

Дата, которая была на три дня раньше официального рождения Киры.

Артём наклонился к экрану и тихо произнёс:

— Это невозможно.

Марина подняла на них глаза.

— Именно поэтому Киру нельзя просто увезти. Сначала мы должны понять, кого система на самом деле считает её создателем.

В этот момент на телефоне Андрея вспыхнуло новое сообщение.

От Максима.

Одно слово.

Денис.

А затем точка сигнала на карте резко исчезла.

В комнате совещаний никто не произнёс ни слова.

Потому что теперь все поняли: Денис не был только частью прошлого Киры.

Он снова оказался рядом с ней.

Глава 8. Чужой отец

Технический уровень под больницей не был похож на место, где должны находиться люди.

Здесь не было белых стен, запаха лекарств и мягких голосов медсестёр. Только низкие бетонные потолки, мокрые трубы, редкие аварийные лампы в металлических решётках и густая тень между ними. Вода медленно стекала по стенам, собиралась в трещинах пола и отражала тусклый жёлтый свет, будто под ногами лежали разбитые зеркала.

Максим шёл впереди.

Одной рукой он держал телефон, на экране которого то появлялась, то исчезала короткая линия сигнала. Другой не отпускал Киру. Её ладонь была холодной, пальцы дрожали, но она не вырывалась. После воспоминаний о Денисе ей казалось, что если она отпустит Максима хотя бы на секунду, темнота вокруг снова превратится в старую квартиру, школьный коридор или белую комнату под лестницей.

Они спустились ещё на один пролёт.

Где-то далеко гудела насосная станция. Ритмичный низкий звук отдавался в бетоне и шёл через подошвы обуви прямо в тело. Максим остановился у тяжёлой металлической двери с облупившейся табличкой: «Технический архив. Доступ ограничен».

Кира смотрела на надпись и чувствовала, как в груди поднимается вязкий ужас.

— Это не архив, — прошептала она.

Максим повернул к ней голову.

— Ты уверена?

— Нет. Но я уже была здесь.

— В воспоминании?

Кира кивнула.

Перед глазами мелькнула белая дверь. Детские пальцы, касающиеся холодного металла. Голос Дениса: «Не бойся, воробей. Папа рядом». Затем другая картинка: Ольга плачет на кухне, Лев стоит у окна, сжав челюсть, а Денис смотрит на них обоих так, словно оценивает чужую слабость.

Кира резко выдохнула.

— Он называл меня воробьём, — сказала она. — Каждый раз, когда врал.

Максим сжал её руку сильнее.

— Не позволяй ему забрать у тебя это слово.

— Он уже забрал слишком много.

— Нет. Он присвоил себе то, что ему не принадлежало. Это разные вещи.

Кира хотела ответить, но за дверью послышался тихий щелчок.

Они оба замерли.

Потом из темноты за их спинами раздался голос:

— Наконец-то.

Кира застыла.

Голос был старше, чем в её детских воспоминаниях. Грубее. В нём больше не осталось домашней усталости, притворной мягкости или попытки звучать заботливо.

Но она узнала его сразу.

— Я уже начал думать, что Максим уведёт тебя в тоннели, — продолжил Денис. — Он всегда был слишком предсказуемым, когда дело касалось тебя.

Максим развернулся, заслонив Киру собой.

Денис стоял на площадке выше.

Он больше не походил на мужчину, которого Кира помнила в старой рабочей куртке, с пакетами дешёвых продуктов и запахом табака. На нём было тёмное пальто идеально прямого кроя, чёрные перчатки и обувь, не испачканная ни водой, ни пылью. Его волосы поседели на висках, лицо стало суше и жёстче, а во взгляде исчезло последнее подобие тепла.

Он выглядел не как отец, вернувшийся из прошлого.

Он выглядел как человек, который всё это время ждал, когда сможет перестать притворяться.

За его спиной стояли двое неизвестных в серых куртках без знаков различия. Один держал в руках компактный электрошоковый прибор, второй наблюдал за Максимом с пустым внимательным лицом.

— Денис, — сказал Максим.

— Максим Воронцов, — почти вежливо ответил тот. — Всё ещё играешь в защитника? Очень трогательно.

Кира вышла из-за плеча Максима.

— Не смей говорить со мной.

Денис посмотрел на неё.

И улыбнулся.

Эта улыбка оказалась хуже ненависти. В ней не было сожаления. Не было стыда. Только удовлетворение человека, который увидел, что его старая работа всё-таки дала результат.

— Ты похожа на него, — сказал он.

Кира нахмурилась.

— На кого?

— На Льва.

Максим напрягся.

— Не начинай.

— Почему? Разве ей не интересно? — Денис наклонил голову. — Ей всю жизнь было интересно, почему я не мог смотреть на неё без раздражения. Почему Ольга плакала, когда ты возвращалась из школы.

Кира почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Лев не мой отец.

— Сейчас ты это знаешь. Но я не знал.

Денис произнёс это почти спокойно. Будто рассказывал о чужой ошибке в документах.

— Я видел старые записи. В них была Ольга. Была Нина. Был Лев. Была беременность, которую системе приказали закрыть как неудачную. Я решил, что тебя вынесли из роддома не для спасения, а чтобы спрятать ребёнка Ольги и Льва.

Он усмехнулся.

— Я думал, что ты доказательство того, что у них получилось сохранить то, чего у меня никогда не было.

Кира медленно покачала головой.

— Ты ненавидел меня из-за ошибки?

— Не из-за ошибки. Из-за того, что я видел, как Ольга смотрит на тебя.

Его голос впервые изменился.

Стал тише. И от этого ещё отвратительнее.

— Она держала тебя так, как никогда не держала меня. Она прощала тебе всё. Твои кошмары. Твои истерики. Твои вопросы. Она боялась за тебя сильнее, чем боялась за себя. А меня она просто терпела.

— Ты был удобным, — сказала Кира.

Денис застыл.

Кира смотрела на него, и страх внутри неё медленно уступал место ярости.

— Ты был удобным мужчиной в квартире. Удобным человеком, который приносил деньги и мог починить кран. Удобной ложью, в которую она пыталась поверить, потому что ей было страшно одной.

Она шагнула вперёд.

Максим тут же перехватил её за локоть, но Кира резко высвободилась.

— А ты решил, что если она не любит тебя так, как ты хочешь, то можно мучить ребёнка, которого она защищает? Решил, что можешь сделать из меня отчёт, номер, опыт?

— Ты никогда не была просто ребёнком, — сказал Денис.

— Заткнись.

— Ты была проблемой с первого дня.

— Заткнись!

— Нина передала тебя Ольге в роддоме, а Андрей и Алексей помогли им исчезнуть. Ты думаешь, это был героический побег? Это была попытка спрятать заражённый файл в чужой папке. Они знали, что система вернётся за тобой.

Кира ударила его.

Она не думала.

Просто бросилась вперёд, преодолела несколько ступеней и ударила Дениса кулаком в лицо. Боль прошла по пальцам до запястья. Денис качнулся, кровь выступила у него на губе.

Один из людей в сером рванулся к ней, но Максим оказался быстрее. Он перехватил мужчину за руку, выбил прибор и ударил его плечом в бетонную стену. Второй нападавший достал оружие, однако Максим толкнул Киру вниз, за металлический короб вентиляции.

Воздух разорвал сухой хлопок.

Пуля ударила в трубу над ними. Посыпалась ржавчина. Где-то в темноте зашипел повреждённый клапан.

— Ты в порядке? — резко спросил Максим.

— Он лгал мне всю жизнь!

— Я заметил.

— Максим!

— Я пытаюсь не дать тебе умереть. Прости, если это отвлекает.

Несмотря на ужас, в Кире вспыхнуло почти истерическое желание рассмеяться.

— Ты невозможный.

— Твоя стойка для капельницы всё ещё у тебя?

Кира посмотрела на металлический держатель, который не выпускала из руки даже во время бегства.

— Да.

— Тогда у нас есть шанс.

Денис вытер кровь с губы тыльной стороной ладони. Его лицо исказилось.

— Вот в этом и проблема, Кира. Ты всегда думаешь, что можешь ударить сильнее, чем система. Что сможешь одна остановить то, что строили десятилетиями.

— Я не одна, — выкрикнула она.

Денис перевёл взгляд на Максима.

— Серьёзно? Этот человек? Он уже однажды стоял перед тобой в комнате под лестницей и не сказал правду. Спроси его, почему.

Максим не ответил.

Кира повернулась к нему.

— Почему?

— Потому что я пытался выиграть тебе время, — сказал Максим. — И сделал это самым худшим способом.

— Он всегда говорит красиво, — усмехнулся Денис. — В этом его талант. Превратить трусость в жертву, предательство в защиту.

— Я хотя бы пытался выйти из системы, — холодно сказал Максим.

— А я никогда не строил иллюзий, что могу её победить.

Денис сделал шаг вниз.

— Ты не особенная, Кира. Вот правда, которую тебе никто не хочет сказать. Ты не избранная. Не спасительница. Не ключ к великой свободе. Ты ошибка в расчётах, которую слишком долго не могли устранить.

Кира поднялась из-за вентиляционного короба.

— Я не верю тебе.

— Конечно, не веришь. Тебе нравится считать себя героиней. Маленькая глупая девочка, которой дали чужие тайны, и она решила, что всё теперь зависит от неё.

— Не смей.

— Ты не остановишь систему. Ты не спасёшь Ольгу. Не спасёшь Алексея. Не спасёшь Максима. Ты только заставишь их умереть рядом с собой.

Кира побледнела.

Денис увидел это и продолжил, наслаждаясь каждой трещиной в её лице.

— Система уже подготовила новый сценарий. Если вы сейчас не пойдёте со мной, вас не будут возвращать в университет. Вас просто закроют как ненужные пазлы. Два тела в старом тоннеле. Несчастный случай. Обрушение. Короткий отчёт. И через неделю никто не вспомнит, что вы вообще пытались бежать.

Максим крепче сжал руку Кире.

— Он врёт.

— Возможно, — ответил Денис. — Но разве вы готовы проверить?

Он достал телефон и включил экран.

На нём было изображение с камеры.

Ольга сидела в машине на заднем сиденье. Рядом с ней находился Лев. Его руки были связаны пластиковыми стяжками, лицо было разбито, но он смотрел в камеру с яростной ненавистью. За ними сидел человек в серой маске.

Кира перестала дышать.

— Мама.

— Она не твоя мать, — спокойно сказал Денис. — Она женщина, которой Нина отдала тебя в роддоме. Но да, она любит тебя. А значит, всё ещё полезна.

Максим сделал шаг вперёд.

— Где они?

— Не там, куда вы успеете добраться без меня.

— Если с ними что-то случится...

— Что ты сделаешь? — Денис улыбнулся. — Ударишь меня? Убьёшь? Ты ведь знаешь правила, Максим. Один неверный сигнал, и машина исчезнет. А вы останетесь с выбором: бежать дальше или собирать последствия.

Кира смотрела на экран, где Ольга пыталась повернуть голову. На её запястье блеснул знакомый браслет с серым индикатором.

Это было слишком аккуратно.

Слишком показательно.

Слишком похоже на то, как система любила превращать страх в инструмент.

Но если изображение настоящее, они не могли рисковать.

Денис опустил телефон.

— Идёте со мной. Сейчас. Или умрёте здесь, а потом умрут те, кого вы хотите спасти.

Максим наклонился к Кире, не отрывая взгляда от Дениса.

— Не слушай его.

— Там Ольга и Лев.

— Мы не знаем, настоящая ли запись.

— А если настоящая?

Максим стиснул зубы.

Он не ответил.

И этого молчания оказалось достаточно.

Денис победно усмехнулся.

— Вот видишь? Даже твой герой не знает, как тебя защитить.

Кира медленно подняла стойку для капельницы.

— Не называй его моим героем.

— Тогда как мне его назвать?

Она посмотрела на Максима. На его напряжённое лицо. На кровь у виска. На руку, которая всё ещё держала её, хотя он прекрасно понимал: сейчас она может выбрать Дениса из страха за Ольгу.

— Человеком, который хотя бы не притворялся моим отцом, чтобы предавать меня каждый день.

Денис перестал улыбаться.

В этот момент из темноты под лестницей раздался женский голос:

— Не отдавай ей выбор, Денис.

Кира замерла.

Голос был незнакомым.

И всё же она узнала его.

Нина.

В дальнем конце коридора включился свет.

За Денисом медленно открылась дверь технического архива. Внутри была не лестница и не склад. Там начинался длинный белый коридор, уходящий вглубь старого подземного сектора.

На полу коридора лежала детская фотография.

Кира на ней была младенцем.

На обороте крупными чёрными буквами было написано:

НЕ ТА, КОЙ ТЫ ДУМАЕШЬ.

Денис посмотрел на фотографию, и впервые в его лице мелькнул страх.

Но путь назад уже перекрывали шаги людей системы.

Путь вперёд вел туда, куда Денис явно не хотел их пускать.

И Кира поняла: безвыходность была не в том, что у них не осталось дороги.

Безвыходность была в том, что каждая дорога вела прямо в чужую ложь.

Глава 9. Последний выход

Белый коридор за дверью технического архива не должен был существовать.

Кира знала это так же отчётливо, как чувствовала холод металла в ладони. Больничные технические уровни были сырыми, тесными, грязными: бетон, ржавчина, трубы, запах машинного масла и застоявшейся воды. Этот коридор не принадлежал им.

Он был слишком чистым.

Стены уходили вдаль ровными белыми плоскостями. Под потолком тянулись световые полосы, лишённые теней. Пол был гладким, светло-серым, словно его только что вымыли. Не было ни пыли, ни следов обуви, ни табличек, ни дверных ручек. Только одинаковые матовые панели по обеим сторонам и холодный воздух, пахнувший антисептиком.

Кира стояла, не в силах сделать следующий шаг.

Перед её глазами всё ещё лежала детская фотография.

Новорождённая девочка в белом одеяле. Серебристый браслет на маленьком запястье.

И надпись на обороте:

НЕ ТА, КОЙ ТЫ ДУМАЕШЬ.

Женский голос снова отозвался из глубины коридора.

— Не отдавай ей выбор, Денис.

Кира резко обернулась.

Никого.

Только Денис, застывший на лестничной площадке. Двое его людей стояли чуть поодаль, но теперь и они выглядели неуверенно. Один держал оружие, направляя ствол то на Максима, то на белый проход. Второй нервно поглядывал на матовые стены, словно боялся, что они разойдутся и выпустят что-то изнутри.

Денис больше не улыбался.

— Что это? — спросила Кира.

Он не ответил.

— Что это?!

Её голос ударился о гладкие стены и вернулся глухим эхом. Максим перехватил её за запястье. Его пальцы сжались крепко, но бережно.

— Кира.

— Это была Нина? — Она смотрела в белый коридор, не моргая. — Как такое возможно? Она жива?

Максим напрягся.

— Сейчас не время.

Кира резко повернулась к нему.

— Ты издеваешься? Я только что услышала голос женщины, которая, возможно, отдала меня Ольге в роддоме. Женщины, которую все считают мёртвой. И ты снова говоришь, что сейчас не время?

— Да, — сказал Максим тихо, но твёрдо. — Потому что люди с оружием стоят у нас за спиной, а этот коридор может быть ловушкой. Нам надо выбирать.

— Ты всегда выбираешь момент, когда говорить нельзя.

— Потому что мы всегда оказываемся в местах, где нас пытаются убить.

— Очень убедительное оправдание.

— Спасибо. Я старался.

Кира хотела оттолкнуть его, но в этот момент Денис сделал шаг вперёд.

— Не слушай его, — произнёс он. — Тебе нужно пройти туда.

Максим мгновенно поднял оружие, которое забрал у одного из нападавших.

— Ещё шаг, Денис.

— И что? Ты выстрелишь? Здесь? В секторе первого контура?

— Проверим.

Денис посмотрел на Киру.

— Видишь? Он даже не понимает, что делает. Этот проход не ведёт к выходу. Он ведёт к началу. Ты хочешь знать, кто такая Нина? Хочешь узнать, почему тебя передали Ольге? Почему Алексей и Андрей помогли ей исчезнуть? Всё здесь.

Он указал на белый коридор.

— Иди. Одна.

— Нет, — сказал Максим.

Денис усмехнулся.

— Ты боишься, что она вспомнит тебя?

Максим не ответил.

Это молчание было хуже любого признания.

Кира почувствовала, как в голове снова поднимается шум. Детский плач. Стук колёс больничной каталки. Женский голос, повторяющий её имя. Нина. Ольга. Андрей. Алексей. Денис.

Слишком много имён.

Слишком много людей, которые знали её историю лучше неё самой.

Она сжала металлическую стойку для капельницы. Один из крючков был погнут, на хромированной поверхности виднелись тёмные следы воды и пыли. В нормальном мире этот предмет стоял бы возле больничной кровати. Здесь он ощущался почти единственной настоящей вещью.

— Я не пойду туда с тобой, — сказала Кира Денису.

Его лицо стало жёстким.

— Тогда ты умрёшь здесь.

— Я уже жила с человеком, который говорил мне это голосом отца.

Денис дёрнулся.

— Ты ничего не понимаешь.

— Нет. — Кира сделала шаг к нему. — Теперь понимаю. Ты наблюдал. Писал отчёты. Смотрел, как я плачу. Отправил меня в Льяную школу. Ты хотел, чтобы я верила, будто ты меня любишь, пока продавал каждую мою слабость системе.

— Я делал то, что было необходимо.

— Для кого?

— Для порядка.

Кира коротко рассмеялась. В смехе не было радости.

— Порядок. Конечно. Люди вроде тебя всегда называют порядком чужую клетку.

Денис кивнул одному из мужчин в сером.

Тот двинулся вперёд.

Максим выстрелил первым.

Грохот оказался оглушительным в узком пространстве. Мужчина вскрикнул, выронил оружие и упал на колени, прижимая руку к плечу. Второй успел поднять пистолет, но Кира ударила стойкой снизу вверх. Металл с лязгом встретился с его запястьем. Оружие отлетело в сторону.

— Кира, назад! — крикнул Максим.

Но она уже не отступала.

Всё, что Денис сказал, всё, что она вспомнила, все годы страха, которые теперь складывались в одну длинную линию, поднялись в ней разом. Кира развернула стойку и ударила второго нападавшего по колену. Он рухнул, ругаясь и пытаясь удержаться за стену.

— Это за школу, — выдохнула она.

Он попытался схватить её за ногу.

Кира отдёргнулась и ударила снова, выбивая ему воздух из груди.

— А это за комнату под лестницей.

Максим взглянул на неё через плечо, одновременно прижимаясь к стене, чтобы уйти от нового выстрела.

— Напомни мне никогда не спорить с тобой в коридоре.

— Поздно.

— Справедливо.

Денис отступил на шаг, но не выглядел испуганным. Он достал из внутреннего кармана маленький пульт, на котором мигала красная полоска.

— Ты думаешь, что побеждаешь? — спросил он. — Ты всё ещё не понимаешь, Кира. Ты не особенная. Ты просто ошибка, вокруг которой слишком долго строили легенду.

— Ошибка с железной стойкой, — процедила она.

Максим почти улыбнулся.

— У неё действительно есть аргумент.

Денис нажал кнопку.

Свет в белом коридоре вспыхнул так ярко, что Кира зажмурилась. Одновременно за их спинами с тяжёлым грохотом опустилась металлическая перегородка. Выход на лестницу закрылся.

Слева, из технического тоннеля, слышались быстрые шаги.

Справа, от белого коридора, пришёл тихий звук открывающихся замков.

Их зажимали.

— Максим, — прошептала Кира.

Он быстро оглядел пространство.

— Есть другой путь.

— Где?

— Пока не знаю.

— Прекрасный план.

— Ты просила честность.

Телефон в его руке коротко завибрировал.

Одно новое сообщение.

От Артёма.

Не отвечай. Не включай звук. Выход через северный сервисный тоннель. Машина ждёт у старого речного терминала. Серый фургон, номер 784. Водитель свой. У вас шесть минут. Не доверяйте никому в форме.

Следом пришла вторая строка:

Поверните налево у жёлтой трубы. Там будет люк. Не идите в белый коридор.

Максим показал экран Кире.

— Это Артём?

— Его шифр.

— А если его телефон у системы?

— Тогда они очень хорошо знают, как он ругается в сообщениях.

Кира взглянула на текст.

Внизу Артём добавил:

Если вы опоздаете, я лично верну вас обоих в больницу и привяжу к кроватям.

Она выдохнула, почти смеясь.

— Да. Это точно он.

— Беги, — сказал Максим.

Они сорвались с места одновременно.

Максим выстрелил по лампам над техническим коридором. Одна лопнула с резким хлопком, вторая осыпалась искрами. Пространство погрузилось в рваную темноту. Денис закричал что-то им вслед, но Кира уже не различала слов.

Они бежали по узкому проходу, пригнувшись под трубами. Вода хлюпала под ногами. Кира задыхалась, сердце стучало слишком быстро, боль в мышцах жгла после месяцев неподвижности. Несколько раз ноги почти подламывались, но Максим не отпускал её руку.

Сзади гремели выстрелы.

Пули били в стены, высекали бетонную пыль, заставляли трубы дрожать. Один раз кусок металла отскочил от стены возле головы Киры. Максим резко притянул её к себе, закрывая плечом.

— Ты ранен? — выдохнула она.

— Нет.

— Ты врёшь.

— Немного.

На его рукаве расплывалось тёмное пятно.

Кира схватила его за руку.

— Максим.

— Потом.

— Ты можешь истечь кровью.

— Я могу истечь кровью после того, как мы выйдем.

— Очень рационально.

— Я стараюсь быть впечатляющим рядом с тобой.

— Сейчас не время для флирта.

Он посмотрел на неё коротко, почти дерзко, несмотря на боль.

— Кира, рядом с такой женщиной всегда будет горячо.

Она уставилась на него.

— Ты сказал это во время перестрелки?

— Я многозадачный.

— Ты ненормальный.

— А ты меня всё равно не бросила.

Она хотела ответить, но в этот момент из бокового прохода выскочил человек в серой форме.

Максим успел выстрелить.

Мужчина рухнул, но другой оказался за ним. Он схватил Киру за плечо и дёрнул назад.

Кира развернулась, ударила стойкой, но мужчина перехватил металл. Он был сильнее. Его пальцы сжались вокруг её запястья, и перед глазами Киры вспыхнула белая комната, ремни, голос Дениса.

Нет.

Она не позволила воспоминанию остановить себя.

Кира ударила лбом назад.

Нападавший застонал и ослабил хватку. Она выдернула стойку, развернула её и с силой ударила по его боку. Он согнулся. Максим врезался в него плечом, прижал к стене и обезвредил одним коротким движением.

— Ты в порядке? — спросил он.

— У меня будет шишка.

— Я куплю тебе лёд.

— И кофе.

— Два кофе.

— Вот теперь я вижу, что ты серьёзно относишься к травме.

Впереди показалась жёлтая труба.

Она тянулась вдоль стены, покрытая облупившейся краской. Под ней действительно был люк: круглая металлическая крышка, почти скрытая в грязной воде.

Максим опустился на колено, подцепил край пальцами.

— Не открывается.

Сзади всё ближе слышались шаги.

Кира бросила взгляд на его окровавленный рукав, потом на люк.

— Отойди.

— Кира...

— Отойди.

Она вставила крюк стойки в щель между крышкой и полом. Налегла всем телом. Металл скрипнул. Руки дрожали, плечо обжигало от усилия.

— Давай, — прошептала она.

Люк сдвинулся.

Сначала на несколько сантиметров.

Потом больше.

Изнизу пахло влажным воздухом и речной тиной.

— Ты невероятная, — сказал Максим.

— Я знаю.

— Скромность тоже не пострадала.

— У меня очень тяжёлое утро. Не отнимай последнее.

Над ними раздался голос Дениса:

— Закрыть тоннель!

Максим помог Кире спуститься первой.

Лестница внутри люка была узкой, скользкой от влаги. Кира спускалась быстро, цепляясь ладонями за ледяные перекладины. Под ней темнела вода. За спиной хлопнул выстрел.

Максим резко втянул воздух.

— Максим!

— Спускайся!

Она не сдвинулась.

— Я не уйду без тебя.

— Кира, вниз!

В его голосе прозвучал приказ, но в глазах был страх.

Кира увидела, как он развернулся и выстрелил в сторону коридора. Потом прыгнул к люку. В этот момент пуля ударила в край металлической крышки. Искры осыпали его плечи.

Он схватился за лестницу, спустился на несколько ступеней, и Кира потянула его вниз так сильно, как смогла.

Над ними захлопнулась крышка.

По металлу тут же ударили снаружи.

Один раз.

Второй.

Третий.

Максим прижал ладонь к крышке, затем повернулся к Кире.

— Бежим.

Тоннель оказался старой дренажной трубой. Они двигались почти по пояс в холодной воде. В темноте блестели мокрые кирпичные своды, по стенам тянулись пучки кабелей, давно отключённых от сети. Где-то над ними грохотал город: машины, метро, чужая обычная жизнь.

Кира чувствовала, как силы заканчиваются.

Каждый шаг давался с трудом. Холод проникал под тонкую больничную одежду. Пальцы немели. Но Максим был рядом, держал её за локоть, направлял, подставлял плечо на особенно глубоких участках.

— Ты не должна была возвращаться за мной, — сказал он, когда они добрались до узкого участка, где можно было идти быстрее.

— Ты не должен был оставаться наверху.

— Я умею стрелять.

— Я тоже умею.

— Ты стреляла?

— Нет.

— Тогда это была смелая реплика.

— У меня есть металлическая стойка.

— Убедительный аргумент.

Далеко впереди показался слабый серый свет.

Выход.

Или очередная ловушка.

Они не могли знать.

Под ногами внезапно дрогнул пол.

Сначала Кира решила, что это поезд. Потом услышала низкий гул. Труба за их спинами начала вибрировать. С потолка посыпалась ржавчина.

Максим посмотрел вверх.

— Они взрывают проход.

— Что?

— Быстрее!

Они побежали.

Вода била по ногам, мешала двигаться. Кира поскользнулась, ушла под воду почти по плечи. Максим вытащил её за руку, но сам едва удержался. Позади раздался оглушительный грохот.

Тоннель обрушился.

Кирпичи падали в воду, трубы ломались, поток хлынул сильнее. Волна ударила их в спину, сбила с ног.

Кира вскрикнула, когда ледяная вода сомкнулась над головой.

На один страшный миг исчезло всё: свет впереди, гул рушащегося тоннеля, боль в онемевших пальцах. Осталась только мутная чёрная вода, в которой медленно крутились клочья ржавчины, песок и белые пузырьки воздуха.

Она попыталась подняться, но нога зацепилась за что-то под водой.

За решётку.

Кира дёрнулась раз, другой. Паника вспыхнула мгновенно. Сердце забилося так резко, что ей показалось: она слышит его даже сквозь воду.

Не здесь.

Только не снова.

Она вспомнила белую комнату. Ремни на запястьях. Безвоздушную тяжесть, когда чужие голоса решают, сколько правды тебе можно оставить.

Кира рванулась ещё сильнее.

Воздуха не хватало.

И вдруг чья-то рука вцепилась в её плечо.

Максим.

Он нырнул под воду, обхватил её за талию, нашёл застрявший край больничной рубашки и с силой выдернул ткань из решётки. Кира вырвалась на поверхность, закашлялась и жадно вдохнула.

— Дыши! — крикнул Максим.

Она вцепилась в него обеими руками, кашляя так сильно, что в груди вспыхнула боль.

— Я... дышу...

— Очень убедительно.

— Не смей... шутить...

— Это не шутка. Я серьёзно восхищён твоим выбором времени для заплыва.

Кира ударила его ладонью по груди, скорее от страха, чем от злости.

— Я чуть не утонула!

— Поэтому я и предлагаю обсудить это на суше.

Над ними с треском лопнула труба.

Грязная вода хлынула сверху плотной струёй. Камни посыпались с потолка. Один ударился совсем рядом, подняв фонтан брызг.

Максим перестал улыбаться.

— Вперёд.

Он поднял Киру на ноги и потащил к серому пятну света. Теперь тоннель уже не был тихим укрытием. Он умирал вокруг них: кирпичи выпадали из свода, по стенам расходились трещины, вода прибывала с каждой секундой.

Кира бежала, хотя тело протестовало против каждого движения. Ноги подгибались. Руки дрожали. На губах оставался металлический вкус воды и страха. Но Максим держал её так, будто его пальцы были единственным, что не позволит ей исчезнуть в этом тоннеле.

Сзади грохнуло ещё раз.

Тёмная волна, смешанная с кирпичом и обломками, прокатилась по проходу.

— Быстрее! — крикнул Максим.

Впереди показалась узкая лестница, уходящая вверх к круглому люку. Над ним пробивался тусклый дневной свет.

Кира увидела люк и почти поверила, что они успеют.

Почти.

Вода снова ударила в спину.

Максим толкнул её к лестнице.

— Лезь!

— Вместе!

— Кира!

— Вместе, я сказала!

Она ухватила за первую перекладину, но не двинулась выше. Максим посмотрел на неё так, словно хотел спорить, злиться, приказать.

Потом вместо этого коротко кивнул.

— После тебя.

— Не дождёшься.

— Ты невозможна.

— Запомни это, если выживем.

— Я уже запомнил.

Кира полезла вверх. Металлические перекладины были мокрыми и скользкими. Пальцы срывались, ладони саднило. Внизу Максим прикрывал её, время от времени оборачиваясь в сторону рушащегося тоннеля.

Когда Кира добралась до люка, она упёрлась в него обеими руками.

Он не поддался.

— Закрыто! — выдохнула она.

— Отойди.

Максим поднялся за ней. Его лицо было бледным, на виске темнела кровь, а тёмное пятно на рукаве стало почти чёрным. Он достал из кармана складной нож, вставил лезвие в тонкую щель и попробовал сдвинуть крышку.

Ничего.

Снизу донёсся тяжёлый гул.

Вода уже поднималась по лестнице.

— Максим, — сказала Кира.

Он нажал сильнее. Нож сорвался. Лезвие царапнуло металл.

— Максим.

— Я знаю.

— Нет, ты не понимаешь. Там нет времени.

Он посмотрел на неё. Его глаза были слишком спокойными для человека, который понимал, что через несколько секунд тоннель может стать их могилой.

— Я не оставлю тебя здесь.

— Тогда открой эту чёртову дверь.

Кира подняла металлическую стойку, которую каким-то чудом всё ещё не выпустила из руки. Согнутый крюк на верхушке блеснул в сером свете.

Максим перевёл взгляд на неё.

— Ты серьёзно?

— У меня один проверенный метод решения проблем.

— Я начинаю его опасаться.

— Правильно.

Она вставила крюк между крышкой люка и рамой. Максим накрыл её руки своими. Их пальцы оказались рядом на холодном металле.

— На счёт три, — сказал он.

— Ненавижу счёт три.

— Один.

Вода поднялась ещё на ступень.

— Два.

Свод тоннеля за их спинами треснул.

— Три!

Они налегли одновременно.

Стойка согнулась сильнее. Металл заскрежетал. Люк сдвинулся всего на пару сантиметров.

Но в щель ворвался воздух.

Холодный, дождливый, настоящий.

Кира вдохнула так жадно, будто впервые за долгое время поняла, что такое свобода.

— Ещё! — крикнула она.

Максим стиснул зубы. На лбу у него выступил пот. Вены на руках напряглись. Кира почувствовала, как под её ладонями дрожит стойка.

Люк резко подался.

Открылся.

Над ними был серый рассвет, мокрый асфальт и край старой речной набережной.

Кира первой выбралась наружу, рухнула на колени, кашляя и хватая воздух. Дождь бил ей в лицо, по волосам, по плечам. Но после душного подземелья даже этот холод казался почти прекрасным.

— Максим!

Она обернулась.

Он поднимался следом, медленнее, чем раньше. Одной рукой держался за край люка, другая была прижата к боку. Кира увидела кровь, смешанную с дождевой водой.

— Давай! — крикнула она, протягивая руку.

Максим попытался улыбнуться.

— Ты же знаешь, я люблю эффектные появления.

— Если ты сейчас умрёшь с этой фразой, я тебя лично верну и убью снова.

— Вот поэтому рядом с тобой всегда так горячо.

Кира ухватила его за запястье.

Он выбрался наверх, тяжело рухнул рядом с ней на мокрый асфальт. Несколько секунд они просто лежали, не двигаясь. Над ними шумел дождь. Где-то за серой завесой проехала машина. Вдалеке звякнул трамвай.

Обычный город продолжал жить.

Он не знал, что в нескольких метрах под его улицами только что рухнул целый тоннель.

Телефон Максима снова завибрировал.

Новое сообщение от Артёма:

Севернее люка, за бетонным складом. Серый фургон. Номер 784. У вас меньше минуты. Не обсуждайте, просто двигайтесь.

Кира прочитала сообщение через его плечо.

— А у Артёма всегда такой дружелюбный стиль?

— Это его способ сказать, что он переживает.

— Он ужасно справляется.

— Поверь, это ещё мягко.

Максим попытался подняться и сразу побледнел.

Кира подхватила его под руку.

— Я могу идти.

— Конечно, можешь. Ты же только что победил люк.

— Я был полезным помощником.

— Не обольщайся. Главную работу сделала я.

Он посмотрел на неё, и в его взгляде, несмотря на боль и усталость, появилось то самое тёплое упрямство, от которого Кире становилось одновременно спокойнее и опаснее.

— Никогда не спорил.

Они двинулись вдоль бетонной стены старого складского здания. За ним начиналась заброшенная грузовая площадка: ржавые контейнеры, сломанные ограждения, лужи, в которых дрожали отражения фонарей. Дождь скрывал их силуэты, но и мешал видеть дальше нескольких метров.

Серый фургон стоял у дальнего края площадки.

Номер 784.

Дверь со стороны водителя была закрыта. Окна затонированы. Двигатель работал тихо, почти неслышно.

— Это он? — прошептала Кира.

— Должен быть.

— Очень убедительное слово.

Максим остановился, внимательно осматривая площадку.

Слишком пусто.

Ни прохожих. Ни охраны. Ни птиц на мокрых проводах.
Только фургон.

И в этот момент на крыше склада мелькнула тень.

Максим толкнул Киру вниз.

Выстрел ударил в бетон рядом с ними. Каменная крошка брызнула ей в лицо.

— Беги к фургону! — крикнул Максим.

— А ты?

— Я за тобой!

— Ты ранен!

— Кира!

Второй выстрел разбил окно старого склада.

Кира не стала спорить.

Они бросились вперёд. Максим стрелял в сторону крыши, заставляя преследователя пригнуться. Кира бежала рядом, поскальзываясь в лужах, сжимая стойку так, словно та могла защитить её от всего мира.

Фургон был уже близко.

Десять шагов.

Семь.

Пять.

Боковая дверь резко отъехала в сторону.

Изнутри показалась рука.

— Быстро! — крикнул мужской голос.

Кира остановилась.

Слишком знакомый голос.

Не Артём.

Не Андрей.

Денис.

Максим тоже услышал.

Он развернулся, поднял оружие.

Но в этот момент по крыше склада прошёл ослепительный белый свет.

Не вспышка выстрела.

Слишком яркий.

Слишком ровный.

Белый коридор.

Первый контур.

Кира почувствовала, как мир вокруг растянулся.

Дождевые капли зависли в воздухе. Шум города исчез. Фургон стал далёким и плоским, будто нарисованным на стекле. Максим что-то кричал, но его голос не доходил до неё.

А потом она увидела Дениса.

Он стоял у фургона, сухой, спокойный, с той самой ехидной улыбкой, которую она ненавидела с детства, хотя прежде не понимала почему.

— Наконец-то, — сказал он.

Кира попыталась двинуться, но ноги не слушались.

Денис посмотрел на тоннельный люк за её спиной.

Из-под металлической крышки поднимался пар. Потом земля дрогнула.

Сначала едва заметно.

Затем сильнее.

Максим успел повернуться к ней.

Кира увидела его лицо.

Увидела, как он рванулся вперёд.

И в ту же секунду подземный тоннель рухнул окончательно.

Земля разверзлась под ногами.

Асфальт треснул, бетонная плита ушла вниз, увлекая за собой воду, ржавый металл и людей, которые находились слишком близко.

Кира услышала собственный крик.

Услышала, как Максим произнёс её имя.

Потом всё исчезло в грохоте.

Дождь смешался с пылью.

Свет погас.

Когда шум стих, на месте грузовой площадки осталась огромная провалившаяся воронка, заполненная мутной водой и обломками бетона.

Фургон исчез.

Максима и Киры не было видно.

Денис стоял у края разрушенной площадки, укрытый под чёрным зонтом, который держал один из людей системы. Его пальто оставалось сухим. Он смотрел вниз долго, почти внимательно.

Потом медленно улыбнулся.

— Наконец-то, — повторил он.

Он достал из кармана маленькую плоскую флягу, открыл крышку и сделал глоток.

— Ради такой картины можно и отпраздновать.

Один из людей в сером нервно спросил:

— Они погибли?

Денис пожал плечами.

— Если нет, то мир явно решил надо мной поиздеваться.

Он убрал флягу, посмотрел на чёрную воду внизу и добавил:

— Впрочем, это уже не главное.

Его улыбка стала шире.

— Осталось разобраться со следующими.

На дне воронки, под мутной водой, на секунду вспыхнул слабый голубой свет.

Потом погас и он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.